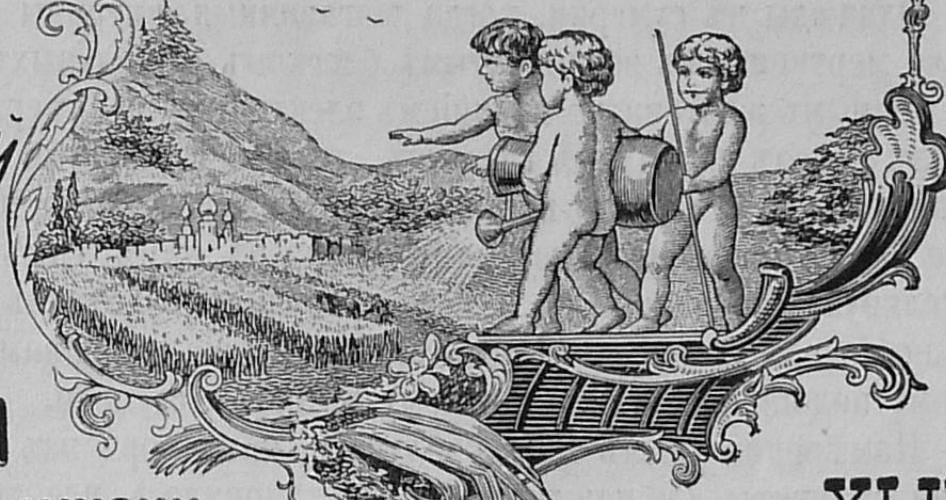

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLIII

№ 37

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1912

Выданъ 15-го сентября 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 15.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. А. ФЕТА,

А. И. КУПРИНА, Оскара УАЙЛЬДА.

12 книгъ „Ежемесячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.

Э. Дуаньо. Свора.

Тайна.

Разсказъ Н. Олигера,

(Продолженіе).

V.

Однажды въ сумерки, когда магазинныя витрины освѣтились уже мертвеннымъ зеленоватымъ блескомъ калильныхъ горѣлокъ и ровнымъ желтоватымъ сіяніемъ электричества, Аверкіевъ оправилъ передъ зеркаломъ галстукъ, наложилъ полный портсигаръ папирсъ и, безшумно надѣвъ въ прихожей верхнее платье, такъ же безшумно вышелъ изъ дому. Когда за нимъ самъ собою защелкнулся американскій замокъ, Аверкіевъ вздохнулъ облегченно и побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, бойко стуча подошвами по опрятному половичку, прикрывавшему потертыя ступени.

Намѣренно ушелъ такъ крадучись, какъ воръ изъ обокраденной квартиры. Съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе видѣть не только молчаливую чужую дѣвочку, но даже Ульяну Мионовну, которая почему-то все больше и больше принимала сторону Кати. И именно потому, что теперь онѣ были какъ-будто въ одномъ лагерѣ, окружавшая дѣвочку тайна распространялась и на Ульяну Мионовну, дѣлала ее чужой и непонятной. Словно все прежнее, простое, пошло на смарку, и взамѣнъ выступило новое, сложное и загадочное.

Аверкіевъ боялся, что вечеромъ придетъ, какъ всегда, Максимъ Петровичъ, будетъ сидѣть и разговаривать въ присутствіи Ульяны Мионовны до самой полуночи и, какъ всегда, только затемнить и напутаетъ, ничего не объяснивъ. Этотъ вечеръ, раньше такой привычный и пріятный, рисовался теперь почти какъ кошмаръ, и, чтобы избѣжать этого кошмара, Аверкіевъ предпочелъ скрыться.

На ближайшемъ же перекресткѣ остановился въ недоумѣніи: куда идти?

Ресторанной, безтолковой и полупьяной, сутолоки Аверкіевъ не любилъ. Кромѣ того, былъ совсѣмъ сытъ, а за обѣдомъ выпилъ нѣсколько лишнихъ рюмокъ водки. Поэтому въ головѣ теперь и безъ ресторанаго угара была непріятная тяжесть. Можно было бы зайти въ кофейню, прочитать газету за стаканомъ чая, а потомъ направиться въ театръ или циркъ. Пожалуй, лучше даже въ циркъ. Тамъ—свѣтъ, фальшивые позументы, глупыя до тошноты выходки клоуновъ. И можно ни о чемъ не думать.

Задумчиво и неторопливо зашагалъ по направленію къ центральной части города. Со скрипучимъ пѣніемъ тормозовъ прокатился мимо, подъ легкой уклонъ, до излишества свѣтлый, словно прозрачный, вагонъ трамвая. Вагонъ былъ почти пустъ, и тутъ же, въ пяти шагахъ, краснѣла на столбѣ надпись „остановка“, но Аверкіевъ не сѣлъ. Спѣшить некуда.

Плелся нога за ногу, свернулъ въ узкій, съ нечищенными тротуарами переулочъ, потомъ опять вышелъ на бойкую улицу. Наскось пересѣкъ пустынную площадь съ памятникомъ посрединѣ. И остановился только, когда замѣтилъ поблизости что-то очень знакомое.

Невысокій двухэтажный домъ съ лѣпными украшеніями и непомѣрно широкимъ подъѣздомъ; видимо, былой особнякъ, передѣланный теперь подъ доходныя квартиры. У подъѣзда лѣпятся дощечки: „Докторъ медицины“, „Контора книгоиздательства“, „Спортъ и Наука“, „семейный пансіонатъ“. Въ этомъ самомъ пансіонатѣ живетъ Максимъ Петровичъ.

Уже принятое рѣшеніе смѣнилось новымъ раздумьемъ. Максимъ Петровичъ навѣрное еще дома. Не зайти ли? У него въ тѣсной комнаткѣ нѣмецкаго пансіоната совсѣмъ не то, чтó у себя на квартирѣ. Можно иначе говорить и думать. И можетъ-быть—судьба. Почему-то пришелъ же, совсѣмъ безсознательно, именно въ эту улицу.

Не совсѣмъ опрятный швейцаръ распахнулъ дверь, поклонился, ощупывая Аверкіева нахально-почтительнымъ взглядомъ. Аверкіевъ бывалъ у своего сослуживца всего раза четыре въ году,—главнымъ образомъ съ визитомъ по праздникамъ, но швейцаръ все-таки узналъ его и сообщилъ предупредительно:

— Еще не выходили... Пожалуйте-съ...

На верхней площадкѣ лѣстницы гость столкнулся лицомъ къ лицу съ самимъ Максимомъ Петровичемъ. Тотъ, видимо, былъ нѣсколько удивленъ, засуетился, путаясь въ полахъ длинной тепловой шинели.

— Вотъ какъ хорошо! Какъ хорошо, право... А я-было, по всегдашней привычкѣ, уже къ вамъ собрался... Заходите, заходите, голубчикъ... — И вдругъ опѣшилъ, даже поблѣднѣлъ немного.—Дома у васъ... все благополучно?

— Разумѣется. А почему вы думаете?

— Такой рѣдкій гость... Конечно, холостая комнатка мало привлекательна для семейнаго человѣка. Я и подумалъ-было... Можетъ-быть, съ Ульяной Мионовной... или съ Катей что-нибудь...

— Обѣ здоровы и вамъ кланяются, и ничего непріятнаго не случилось!—нѣсколько наставительно объяснилъ Аверкіевъ, уже разоблачаясь въ передней.—А пришелъ я къ вамъ просто потому, что иногда и семейному человѣку приходитъ желаніе провести вечерокъ на холостомъ положеніи.

— Я радъ, очень радъ!—опять заторопился Максимъ Петровичъ.—Вотъ проходите, пожалуйста... сюда, налѣво... Коридорчикъ-то у насъ темновать немного. Пожалуй, и дорогу забыли?

Въ комнаткѣ у Максима Петровича—нѣмецкая, такая скучная и бездушная чистота. Полуспрятанная за ширмой кровать, какъ у барышни, съ прошивочками въ наволочкахъ и съ мягкимъ пуховымъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго выглядываетъ кружевной край простыни. На дубовой, подъ воскъ, полочкѣ тѣснятся рядами дешево, но чистенько переплетенныя книги—большія къ большимъ, маленькія къ маленькимъ. Подъ лампой—суконная круглая подкладка, украшенная вѣнкомъ изъ орѣховыхъ скорлупокъ и еловыхъ шишекъ. На стѣнѣ—въ красной, съ серебряными украшеніями, рамѣ, фотогравюра: „Врачъ у больного ребенка въ рабочей мансардѣ“. На другой стѣнѣ, въ такой же рамѣ—что-то мистическое: дѣва съ лотосомъ и непонятное чудовище, вырастающее изъ тьмы.

На полу, на лощеномъ паркетѣ, смятая бандероль свѣжаго журнала. Максимъ Петровичъ сейчасъ же подобралъ ее и бросилъ въ нетопленный каминъ.

— Хорошо у васъ!—сказалъ Аверкіевъ, усаживаясь.—Чистенько.

— Да, хозяйка заботится. Она педантична немного, какъ всѣ старыя нѣмки, но зато чистота и спокойствіе гарантированы. Все одни только солидные жильцы.

Аверкіевъ съ удовольствіемъ протянулъ по паркету ноги, уставшія отъ непривычной ходьбы, и каблукъ непріятно скрипнулъ по лощеной поверхности.

— Вотъ только коврика нѣтъ. Почему не заведете? Это придаетъ особую уютность. И ногамъ теплѣе, когда приходится вставать ночью.

— Передъ кроватью стелется на ночь половичокъ маленькій. А насчетъ ковра,—такъ отъ него, знаете, пыль. Воздухъ портится.

— Вы думаете?

— То-есть, хозяйка такъ говоритъ. А я не настаиваю. Мнѣ ничего, и такъ удобно... Чѣмъ же угостить васъ?

— Пожалуйста, не хлопчите. Никакого угощенія. Вѣдь я не надолго. Посижу съ часикъ и отправлюсь. Думаю въ циркъ съходить. Тамъ дрессированныхъ львовъ показываютъ; въ банкѣ говорили, что очень любопытно.

— Богъ съ ними, со львами! Еще разорвутъ на вашихъ глазахъ человѣка, такъ и будетъ вамъ такой ужасъ всю жизнь сниться. Лучше у меня посидите. Чаю или кофе?

— Если ужъ вы такъ хотите, то, пожалуй, лучше кофе. А лучше всего—не хлопчите. Развѣ это такъ ужъ обязательно?

Хозяинъ скрылся въ коридорѣ, и черезъ неплотно припертую дверь до Аверкіева донеслись обрывки разговора. Чей-то голосъ, какъ-будто женскій, но похожій и на мужской, убѣждалъ:

— Вы не можете знать, какъ это дѣлается. Нужно четыре пирожныхъ, затѣмъ сливочное масло, маленькая французская булка и два кусочка сыру.

А Максимъ Петровичъ просилъ:

— Да, да, ужъ пожалуйста, чтобы все, какъ слѣдуетъ. Вы знаете...

Аверкіевъ, закрывъ глаза, старался представить себѣ хозяйку

пансіона, которой ему никогда еще не приходилось видѣть. Навѣрное толстая, бѣлая, съ неряшливо вырубленнымъ изъ дерева лицомъ и огромными мужицкими лапами. И сдѣлалось почему-то жаль Максима Петровича.

Когда тотъ вернулся, гость спросилъ:

— Она молодая еще?

Максимъ Петровичъ неожиданно сконфузился:

— Какое тамъ... Я, впрочемъ, не знаю. Во всякомъ случаѣ за сорокъ.

— Чтò жь,—это не старость. Нѣмки хорошо сохраняются.

— Ну, и Богъ съ ними. Вы вѣдь знаете, Сергѣй Ильичъ, что я стараюсь слѣдовать ученію, которое запрещаетъ расходовать на грубыя плотскія наслажденія драгоценную жизненную энергію. Такъ что напрасно даже подозрѣвать...

У Аверкіева защекотало въ носу отъ внезапно вспыхнувшего веселья:

— Вотъ оно... На ворѣ шапка горитъ... То-то вы здѣсь и корни такъ крѣпко пустили, мистикъ вы этакій...

Максимъ Петровичъ, дѣлая видъ, что пропускаетъ шутки мимо ушей, освобождалъ на столѣ мѣсто, гдѣ можно было бы устроиться съ кофе. Изъ стѣнного шкапика извлекъ двѣ едва начатыхъ бутылки съ ликеромъ.

— Недавно вышло на англійскомъ языкѣ новое изслѣдованіе о цейлонскомъ буддизмѣ. Поразительная глубина мысли, судя по отзывамъ. И все-таки — несомнѣнно мертвое, нежизнеспособное ученіе, такъ какъ въ конечномъ счетѣ растворяетъ личность во всебытіи. Съ этимъ никакъ не вяжутся наши данныя о несомнѣнной индивидуализаціи астральныхъ душъ. А жаль... Какъ религія — цейлонскій буддизмъ несомнѣнно наиболѣе чистая и пріемлемая форма.

Аверкіевъ слушалъ — и тоже, уже непритворно, пропускалъ мимо ушей всѣ эти разсужденія. Въ сущности, онъ пришелъ къ Максиму Петровичу совсѣмъ не для бесѣды на мистическія темы и не для чашки кофе съ ликеромъ. Еще когда онъ стоялъ на улицѣ и разглядывалъ дощечки у подъѣзда, въ его головѣ мелькнулъ какой-то планъ, еще не вполне осознанный, но занимательный и даже нужный, потому что относился все къ той же, омрачившей спокойную жизнь, тайнѣ.

Не совсѣмъ деликатно оборвалъ хозяина въ самой серединѣ длиннаго періода:

— Это все такъ... А чтò же вы ничего не спрашиваете больше о Катѣ? Я думалъ, что она сдѣлалась уже вашей любимицей.

Максимъ Петровичъ потеръ ладонью лобъ, какъ человѣкъ, который только-что проснулся и теперь приводитъ въ порядокъ свои мысли.

— О Катѣ? Но я спрашивалъ. Вы говорите, что она здорова. Я очень радъ, что она здорова.

Аверкіевъ посмотрѣлъ на „Доктора съ больнымъ ребенкомъ“.

— Да, очень тяжело, когда болѣютъ дѣти. Вотъ тутъ, на картинѣ, очень хорошо сдѣланъ отецъ, который ждетъ приговора врача съ надеждой и — уже съ отчаяніемъ.

И такъ же неожиданно, какъ неожиданно прыгалъ сегодня весь разговоръ, закончилъ: — Дѣти, какъ и взрослые, въ горячечномъ бреду иногда выдаютъ всѣ свои тайны. Вотъ наша покойная Вѣрочка наканунѣ смерти проговорила, что какъ-то взяла у меня со стола безъ спросу двугривенный и купила конфетъ. Это, повидимому, ее очень мучило...

— Да, да! — согласился Максимъ Петровичъ, невозмутимо перетирая золотенцемъ рюмочки для ликера. — Инквизиція въ свое время умѣла извлекать пользу изъ бредовыхъ признаній. И позже бывали случаи... Да, бывали и позже. И замѣчательно: кажется, что люди въ горячечномъ бреду охотнѣе всего выбалтываютъ именно то, чтò хотѣли бы скрыть въ нормальномъ состояніи разсудка. Это замѣчательно, Сергѣй Ильичъ... Сама природа въ этомъ случаѣ протестуетъ противъ скрытности, противъ тайны. Тайна есть врагъ истины.

— Будто? — усмѣхнулся Аверкіевъ. — А какъ же во многихъ религіозныхъ и особенно мистическихъ ученіяхъ тайна является необходимымъ покровомъ истины?

— Чтò же дѣлать? Неизбѣжное зло. Нужно охранить чистое и святое отъ прикосновенія грязныхъ рукъ профановъ.

— Пустяки все... Вотъ вы говорите — природа протестуетъ.

Почему же тогда вся наша жизнь, въ сущности, окружена тайной? Почему нѣтъ ничего, рѣшительно ничего яснаго и безспорнаго? Говорятъ математики, что можно спорить даже и противъ того, что дважды два — четыре. А ужъ жизнь, сама жизнь, эта смѣна дней и ощущеній... Нѣтъ! Только до тѣхъ поръ и ясно, пока ни о чемъ не думаешь.

Максимъ Петровичъ слушалъ теперь своего гостя съ явнымъ интересомъ. Даже строго посмотрѣлъ на горничную, которая слишкомъ шумно принесла кипящій кофейникъ. И заторопиль, чтобы она поскорѣе ушла изъ комнаты:

— Хорошо, хорошо... Больше ничего не нужно. Я самъ все сдѣлаю, если понадобится.

Пригласилъ Аверкіева поближе къ столу, осторожно и любовно наполнилъ чашки темно-коричневой жидкостью, отъ которой слегка припахивало-таки цикоріемъ.

— Вамъ какого ликера? Есть кюрасо и абрикотинъ. И себѣ налью... Ничего не подѣлаешь. Никакъ не могу пріучить себя къ полному воздержанію, особенно если есть хорошая компанія.

Пригубилъ изъ рюмки и, скосивъ глаза на сторону, совсѣмъ другимъ тономъ спросилъ:

— Такъ, значить, до сихъ поръ ничего новаго?

Аверкіевъ утвердительно кивнулъ головой:

— Ничего.

Максимъ Петровичъ посмотрѣлъ сквозь рюмочку на огонь лампы, скользнулъ кончикомъ языка по губамъ.

— Не помню, читалъ я когда-то одну занимательную исторію... Всѣ подробности перебылъ уже, но общая суть такова: появился однажды гдѣ-то въ Германіи странный, полуодѣтый юноша, обращавшій на себя общее вниманіе необыкновенной бѣлизной своего тѣла. Такъ бѣлы бываютъ только хорошая спаржа или ростки картофеля, проросшаго въ темномъ подвалѣ. И кожа на его подошвахъ была такъ тонка, какъ у насъ, на примѣръ, на ладони, такъ что каждый шагъ по каменистой дорогѣ причинялъ ему видимую боль. Ну-съ, когда подобрали его какіе-то сердобольные люди, юноша могъ объяснить только, что зовутъ его Каспаромъ Гаузеромъ, и что всю свою жизнь, сколько помнитъ, онъ провелъ въ тюрьмѣ, гдѣ видѣлъ только одно человѣческое лицо — лицо своего тюремщика и воспитателя. Нѣсколько лѣтъ прожилъ Гаузеръ среди людей, и его умъ ребенка во взросломъ тѣлѣ начиналъ уже постепенно развиваться, но тогда невѣдомый убійца покончилъ съ нимъ ударомъ кинжала въ спину. И до сихъ поръ не извѣстно, кто таковъ былъ этотъ Каспаръ Гаузеръ, и кому понадобились его жизнь и его смерть.

— Ну, такъ чтò же? — нетерпѣливо спросилъ Аверкіевъ, когда Максимъ Петровичъ, закончивъ исторію, отхлебнулъ новый глоточекъ абрикотина.

— Случай... Случай, имѣющій, по-моему, нѣкоторое сходство...

— Ну, и опять глупости... То — Германія, а то — Россія. У насъ такого романтизма по штату не положено. Да и когда это было? При царѣ Горохѣ навѣрное. У насъ теперь, слава Богу, телеграфы, телефоны, антропометрическое бюро, сыскныя отдѣленія, собаки-сыщики, — и вдругъ ...и вдругъ какой-то ребенокъ, дѣвчонка, которая еще поперекъ скамейки укладывается, смѣется надъ всей этой машиной, молчитъ — и баста! Это, голубчикъ, почище вашего нѣмца выходитъ.

Максимъ Петровичъ замѣтилъ, что гость волнуется, и постарался предупредить грозу:

— Потерпите еще немного. Можетъ-быть, все дѣло въ недостаточномъ довѣріи. Потерпите, и все устроится.

— Какой чортъ — устроится, когда она все глубже и глубже прячется въ свою раковину, какъ устрица какая-то... Неужели я мало ждалъ и терпѣлъ еще? Всегда, на примѣръ, спалъ, какъ убитый, а теперь иной разъ всю ночь напролетъ глазъ сомкнуть не могу... Лежу и все думаю, думаю... И все лѣзутъ въ голову мысли одна нелѣпнѣе другой... Ульяна Мироновна, можетъ-быть, и не виновата, а просто по своей врожденной сердечной мягкости слишкомъ уже нѣжничаетъ съ дѣвчонкой, а я и на Ульяну Мироновну готовъ съ кулаками лѣзть. Нѣтъ, невозможно ждать больше. Надо придумать что-нибудь. Вы понимаете, — придумать что-нибудь такое, чтò заставило бы эту устрицу открыть створки и показать, чтò такое у нея тамъ, внутри. Я, кажется, не злодѣй какой-нибудь, вы знаете, и кровью младенцевъ не въ состояніи упи-

И. Владиміровъ.
Наполеонъ на Поклонной горѣ.

Г. Шпангенбергъ.
Шествіе смерти.

ваться. Но, понимаете, дошелъ до того, что если бы Катя заболѣла... Не смертельно, конечно, не смертельно... Но чтобы температура у нея поднялась этакъ до сорока съ хвостикомъ... И чтобы въ бреду, вы понимаете... Ну, однимъ словомъ, кромѣ вотъ такихъ глупостей, ничего и въ голову не приходитъ.

Максимъ Петровичъ задумчиво разгладилъ волосы:

— Да, положеніе непріятное. Вы хотите, можетъ-быть, знать мое личное мнѣніе?

— Очевидно. И даже на помощь вашу надѣюсь. Вывсе-таки самый близкій въ нашей семьѣ человѣкъ. Знаете каждую мелочь не хуже меня самого. Если и вы не поможете...

— Тогда чтѣ?

— Ужъ и самъ не знаю — чтѣ. Во всякомъ случаѣ будетъ еще хуже, чѣмъ теперь.

Максимъ Петровичъ пальцами начесалъ волосы на лобъ, потомъ откинулъ ихъ назадъ и даже заправилъ за уши.

— Прежде всего, есть выходъ самый простой. Никакимъ обязательствомъ, ни матеріальнымъ ни нравственнымъ, вы не связаны. Стало-быть, вы во всякую минуту можете отказаться отъ дальнѣйшаго воспитанія дѣвочки и передать ее властямъ для помѣщенія въ подходящій пріютъ. Можете даже взять на себя оказаніе ей матеріальной помощи и въ дальнѣйшемъ. Тогда она во всякомъ случаѣ не будетъ постоянно стоять у васъ передъ глазами.

Волосы сами собою полѣзли изъ-за ушей на лобъ. Аверкіевъ былъ явно недоволенъ. Заговорилъ обидно-разочарованнымъ тономъ:

— Ну, нечего сказать... Какъ-будто вы не Максимъ Петровичъ, а инженеръ Ковровъ какой-нибудь, — мясная туша, которой нѣтъ никакого дѣла до внутреннихъ, духовныхъ переживаній. Неужели вы не понимаете, что этотъ вашъ совѣтъ ровнехонько ничего не разрѣшаетъ? Ну, сбуду я дѣвочку. Сдѣлать это, конечно, очень легко. Но вѣдь загадка-то останется! Вѣдь никто все-таки не расскажетъ мнѣ, почему вторгнулось въ мою жизнь это никому невѣдомое существо, почему оно заставило меня передумывать все заново, почему оно, это существо, этотъ ребенокъ — сильнѣе и меня самого и всѣхъ другихъ взрослыхъ, разумныхъ людей? И вообще... Мнѣ, видите, никогда еще не приходилось такъ много разговаривать о разныхъ отвлеченныхъ матеріяхъ. И я не умѣю передавать словами все то, чтѣ накопило на душѣ. Но вы — другъ и близкій человѣкъ. Вы должны понять и посоветовать по-настоящему, а не повторять коворовскія глупости...

— Смотрите, — кофе уже остылъ. Можетъ-быть, еще ликеру, Сергѣй Ильичъ?

— Давайте, пожалуй. Я теперь и водки могу много пить, не только этой сладости...

— И пирожного, можетъ-быть? Пирожное очень хорошее. Хозяйка всегда беретъ въ лучшей кондитерской.

Аверкіевъ взялъ и пирожного, хотя и безъ того уже было слишкомъ сладко во рту. Но Максимъ Петровичъ послѣ своего неудачнаго совѣта имѣлъ нѣсколько сконфуженный и даже пониженный видъ, и гость чувствовалъ, что, можетъ-быть, слишкомъ погорячился. Нужно быть помягче. А то и этотъ, пожалуй, спрячется въ раковину.

Помолчали минутъ десять, — даже больше, потому что за это время снова успѣлъ остыть только-что налитый кофе. Гость сидѣлъ, вытянувъ ноги, и вертѣлъ въ пальцахъ часовую цѣпочку, а хозяинъ смотрѣлъ на картину съ женщиной и чудовищемъ, какъ на какой-то совѣмъ новый и очень занимательный предметъ, и время отъ времени вздыхалъ.

— А все-таки счастливый же вы человѣкъ! — протяжно выговорилъ Аверкіевъ. И, когда Максимъ Петровичъ воззрился на него съ недоумѣніемъ, пояснилъ: — Одинокій вы. Ни жены ни дѣтей, — вообще никого, кто все время торчалъ бы передъ глазами, постоянно и упорно напоминая о своемъ существованіи. Вотъ вы можете закрыть глаза и очень легко вообразить себѣ, что, кромѣ васъ самихъ, никого нѣтъ на свѣтѣ, и что весь міръ это — только вы сами. И можете тогда объяснять и толковать этотъ міръ такъ, какъ вамъ хочется. Понимаете: привести все въ порядокъ, разложить по полочкамъ. Чтобы ничего не было случайнаго, лишняго и непонятнаго. А я вотъ такъ не могу. Я задумываюсь, а у меня сейчасъ передъ глазами Ульяна Миро-

новна или дѣвочка. Стоять и смотреть такъ, какъ-будто чего-то ждутъ отъ меня. Право...

— Ждутъ, говорите?

— Ждутъ. Словно я ихъ умнѣе. Неправда это. И тотъ, кто глупъ, только притворяется глупымъ. Нѣтъ глупыхъ. Всѣ — прехитрые мошенники. Нарочно только не видятъ того, чего и не нужно видѣть.

— Но если такъ, то, можетъ-быть, и о дѣвочкѣ... лучше не знать?

— Поздно уже теперь. Ищу. А разъ ищу, то нужно найти. Помогите, Максимъ Петровичъ.

— Стало-быть, вы за меня... какъ утопающій за соломинку? — попробовалъ пошутить Максимъ Петровичъ.

Но гость былъ серьезенъ, и шутка бесплодно повисла въ воздухѣ, какъ осенняя паутина. Максимъ Петровичъ вскочилъ и нѣсколько мгновений возился надъ чѣмъ-то у книжной полки спиной къ Аверкіеву. Когда повернулся опять къ столу, Аверкіевъ замѣтилъ, что лицо сослуживца слегка покраснѣло и приняло торжественное выраженіе.

— Вы, конечно, можете относиться съ недоувѣрчивымъ пренебреженіемъ къ тому, чтѣ представляетъ цѣлую огромную отрасль человѣческаго знанія. Но разъ вы ищете моей помощи, я долженъ оказать ее вамъ въ той формѣ, которую считаю наиболѣе существенной, дорогой мой Сергѣй Ильичъ... И дайте только мнѣ обѣщаніе сдерживать ваше скептическое чувство. Это необходимо для успѣха опыта. Лучше даже, если бы ваше настроеніе вполне соответствовало моему, потому что въ этомъ случаѣ мы могли бы составить нѣчто въ родѣ магнетической цѣпи, но въ крайнемъ случаѣ оставайтесь хотя бы только совершенно спокойнымъ и безучастнымъ зрителемъ.

И, незамѣтно переходя на тонъ профессиональнаго лектора, который готовитъ своихъ слушателей къ интересной демонстраціи, Максимъ Петровичъ поставилъ осторожно на столѣ рядомъ съ кофейникомъ какой-то маленькій приборчикъ, къ которому съ интересомъ началъ присматриваться Аверкіевъ.

— Я долженъ предупредить васъ, — солиднымъ баритономъ продолжалъ Максимъ Петровичъ: — что въ предстоящемъ опытѣ не замѣшано ни суевѣріе ни тѣмъ болѣе что-нибудь, имѣющее отношеніе къ оккультнымъ наукамъ. Этотъ приборчикъ — такъ называемая планшетка. Вы видите, что она имѣетъ видъ маленькой легкой скамеечки на трехъ ножкахъ, при чемъ одна изъ этихъ ножекъ замѣнена мягкимъ карандашомъ. Если мы будемъ передвигать планшетку по листу бѣлой бумаги, карандашъ оставитъ замѣтный слѣдъ въ видѣ прямой или извилистой линіи, — смотря по тому, какой путь будутъ описывать мои руки, придерживающія планшетку. Далѣе я сосредоточиваю всю силу моей воли на разрѣшеніи предположеннаго вопроса и направляю жизненную энергію къ кончикамъ пальцевъ, которые слегка касаются планшетки. По прошествіи нѣкотораго времени, если обстоятельства благоприятствуютъ опыту, магнетическій токъ начинаетъ дѣйствовать, планшетка передвигается по бумагѣ безъ всякаго участія моего сознанія, и карандашъ чертитъ различныя фигуры, цифры и буквы, въ которыхъ мы безъ труда прочитываемъ отвѣтъ на поставленный вопросъ.

— Ну, такъ это я знаю! — сказалъ Аверкіевъ, терпѣливо выслушавъ объясненіе. — Только раньше уѣздныя барышни продѣлывали то же самое съ обыкновеннымъ чайнымъ блюдечкомъ.

Хотѣлось смѣяться, но Максимъ Петровичъ имѣлъ слишкомъ торжественный видъ, а кромѣ того, его увѣренный тонъ нагналъ на Аверкіева легкую тѣнь сомнѣній:

„Конечно, — глупость, ребячество, но почему и не попробовать? Наконецъ, мало ли чтѣ люди признавали въ свое время глупымъ ребячествомъ, а потомъ это ребячество сдѣлалось наукой, истиной, противъ которой никто не осмѣливался спорить. Все равно, нужно же какъ-нибудь скоротать вечеръ“. — И, усѣвшись поудобнѣе, Аверкіевъ принялся наблюдать всѣ дѣйствія Максима Петровича въ качествѣ „совершенно спокойнаго и безучастнаго зрителя“.

Максимъ Петровичъ сдвинулъ въ сторону подносъ съ кофейникомъ и чашками, на освобожденномъ пространствѣ разложилъ листъ толстой глянцевитой бумаги. Проверилъ — дѣйствуетъ ли карандашъ, и между дѣломъ продолжалъ объяснять:

— Очень возможно, что для подобной цѣли возможно пользоваться и обыкновеннымъ блюдцемъ, при чемъ напрасно вы съ такимъ презрѣніемъ относитесь къ такъ называемымъ узднымъ барышнямъ. Среди нихъ встрѣчаются типы, удивительно интересные въ медіумическомъ отношеніи... Во всякомъ случаѣ, планшетка или такъ называемый гипнографъ—значительно удобнѣе... Теперь постарайтесь хранить молчаніе. Можете курить и пить ликеръ, но главное—молчите. Я начинаю.

Засучилъ манжеты, обнаживъ почти до локтей блѣдныя, жилистые руки съ тонкими пальцами. Зажмурилъ глаза такъ плотно, что множество мелкихъ складочекъ собралось вокругъ опущенныхъ вѣкъ. И застылъ такъ въ напряженномъ, полусогнутомъ положеніи, словно неуклюжая ворона, собирающаяся вперхнуться.

Лампа горѣла ровно и неярко. Во всей квартирѣ была какая-то странная, почти мертвая тишина. Аверкіевъ смотрѣлъ, не отрываясь, на тонкіе пальцы, слегка придерживавшіе планшетку, и, по мѣрѣ того, какъ проходили одна за другою медленныя минуты, чувствовалъ, что его все сильнѣе охватываетъ расслабляющая дремота. Глаза смыкались сами собою, и уже поползли отъ лампы длинные пучки острыхъ лучей, когда планшетка вдругъ встрепенулась, нерѣшительно потопталась на мѣстѣ и затѣмъ быстро, какъ тараканъ, побѣжала къ самому краю листа. Тутъ пальцы Максима Петровича замѣтно напряглись и остановили ея дальнѣйшее движеніе.

„Этакая комедія! — подумалъ, освобождаясь отъ дремоты, Аверкіевъ. — Ясно, что пальцы сами собою отъ усталости начинаютъ двигаться и таскаютъ за собою планшетку. И что-то становится уже скучно“.

Планшетка вернулась опять къ самой серединѣ листа и остановилась, какъ приклеенная. Аверкіевъ перемѣнилъ позу, отхлебнулъ изъ недопитой рюмки. Максимъ Петровичъ поблѣднѣлъ, и капельки пота выступили у него на лицѣ, подъ свѣсившимися на лобъ длинными волосами. Похожъ онъ былъ сейчасъ не на легкомысленнаго шарлатана, а на серьезнаго ученаго, рѣшающаго какую-то необычайно сложную проблему, и потому было уже не смѣшно, а трогательно и жалко.

„И чего тянетъ... Даль бы волю рукамъ хорошенько... Не все ли равно, что будетъ написано... И какъ это онъ будетъ писать съ закрытыми глазами?“

Подозрительно заглянулъ въ лицо Максиму Петровичу: нѣтъ ли хотя бы маленькой щелочки, незамѣтной въ тѣни рѣсницъ? Но вѣки сомкнуты попрежнему совсѣмъ плотно. Значить: вѣрять. Не обманываетъ, но вѣрять.

А что, если и въ самомъ дѣлѣ... Ничего сверхъестественнаго, конечно. Но почему не допустить, что сильное напряжение воли обостряетъ чисто-физическія способности, позволяетъ угадывать то, что въ нормальномъ состояніи совершенно недоступно пониманію? Конечно, только руки, обыкновенныя человѣческія руки, заставляютъ планшетку бѣгать по бумагѣ. Но что, если эти руки направляетъ истина?

Опять подкрадывалась дремота, бѣжали острые лучи отъ пламени лампы. Въ полуснѣ видѣлъ безучастно, какъ планшетка ползала вяло и нерѣшительно, оставляя на глянцевитой поверхности какіе-то непонятные знаки, похожіе на ходы жучка-короѣда. Проснулся, только когда Максимъ Петровичъ всталъ и шумно ^{этомъ} двинулъ свое кресло.

^{дост} — Довольно... Не могу больше. Кажется, что-то вышло.

Аверкіевъ разсматривалъ испачканный листъ, пока Максимъ Петровичъ пилъ большими глотками холодную воду и вытиралъ вспотѣвшее лицо.

Въ лѣвомъ углу — линія, необычайно похожая на довольно правильный человѣческій профиль. Можно разсмотрѣть даже разрѣзъ глазъ,—миндалевидный, съ восточнымъ отгѣнкомъ. Потомъ — что-то похожее на буквы. Какія угодно, но не русскія буквы. И писано, видимо, справа налево. И наконецъ въ самой серединѣ листа отчетливымъ курсивомъ:

„Вѣра“.

Остальное — неясныя линіи, крючки, овалы. Цѣлый лабиринтъ безъ всякаго порядка и смысла.

Аверкіевъ не ждалъ отъ опыта никакихъ существенныхъ результатовъ, но все-таки почему-то стало досадно:

— Немного же... Очевидно, ваши безплотные духи знаютъ немногимъ больше насъ, смертныхъ.

— При чемъ тутъ безплотные духи? Вы все-таки не хотите понять...—Максимъ Петровичъ тоже нагнулся надъ бумажнымъ листомъ. — Вы не хотите понять, что это не имѣетъ никакого отношенія къ такъ называемому спиритизму... И затѣмъ—нужно еще хорошенько разобраться. Вотъ, на примѣръ, это лицо. Я настоятельно совѣтую вамъ приглядываться ко всѣмъ встрѣчнымъ, чтобы найти оригиналь портрета. Несомнѣнно, что это — мать или вообще ближайшая родственница дѣвочки. Затѣмъ надпись... Позвольте... Да, разумѣется. Это—по древне-еврейски, я думаю.

— А вы и древне-еврейскій знаете?

— Нѣтъ,—откуда же?—простодушно возразилъ Максимъ Петровичъ. — Когда-то, впрочемъ, изъ любознательности изучалъ алфавитъ... Вотъ этотъ знакъ, на примѣръ, вполне соответствуетъ буквѣ „ламедь“, другой — „шинь“... затѣмъ есть еще „тавь“ и „нунь“...

— А какъ же прочитать все вмѣстѣ?

— Ну, ужъ этого я не знаю. Нужно будетъ обратиться къ специалисту. Наконецъ есть еще совершенно отчетливое слово: „Вѣра“... Неужели вы еще не удовлетворены?

Теперь уже Максимъ Петровичъ не былъ блѣденъ и жалокъ, а напротивъ—явно былъ исполненъ гордымъ самоудовлетвореніемъ. Поэтому Аверкіевъ счелъ себя въ правѣ разсердиться:

— Знаете ли, я все-таки думалъ... я думалъ, что взрослый человѣкъ рѣдко впадаетъ въ дѣтство раньше лѣтъ этакъ восьмидесяти. А впрочемъ—спасибо за хлопоты и за ликеръ.

Максимъ Петровичъ обиженно отошелъ, спряталъ листъ и планшетку.

Сдѣлалось совсѣмъ скучно. Аверкіевъ посидѣлъ еще съ четверть часа, простился и пошелъ домой.

Дорогой въ памяти то и дѣло выскакивали нелѣпыя слова: „шинь“, „тавь“, „ламедь“.

„Самъ то ты ламедь длинноногій, старый дуракъ!—съ сердцемъ подумалъ Аверкіевъ, представляя себѣ неуклюжую фигуру Максима Петровича, скорчившагося надъ планшеткой. — Да и я хорошъ... Въ самомъ дѣлѣ—смѣшно. Остается еще пойти къ какой-нибудь безграмотной бабѣ, расчитанной изъ бѣлыхъ кухарокъ за пьянство и теперь снискивающей себѣ пропитаніе гаданьемъ на кофейной гущѣ. Не все ли равно: примитивная гуща или усовершенствованная планшетка на трехъ ножкахъ, которая пишетъ по древне-еврейски?“

Думалъ такъ, а самъ чувствовалъ, что пошелъ бы и къ гадалкѣ, если бы была хотя самая ничтожная надежда разрѣшить этимъ путемъ гнетущую загадку. Вмѣсто того, чтобы подниматься, падалъ все ниже и ниже въ своей неравной борьбѣ съ молчаливымъ ребенкомъ и, чувствуя, что побѣжденъ, негодовалъ на побѣдителя.

„А что такое—Вѣра? Съ большой буквы или съ маленькой? Цѣлая нравственная сентенція, выраженная съ излишнимъ лаконизмомъ, или просто собственное имя? Можетъ-быть, не Екатерина и не какъ-нибудь иначе, а именно Вѣра, Вѣра“.

Нѣсколько разъ повторилъ про себя это имя. Нужно будетъ завтра захватить ее врасплохъ, войти въ комнату и позвать этимъ новымъ именемъ. Если отзовется, то, слѣдовательно...

„Да нѣтъ, я, кажется, съ ума схожу“.

Вернулся домой совсѣмъ разстроенный, почти больной.

Дѣти уже спали. Ульяна Мироновна сидѣла одна въ столовой и при уныломъ свѣтѣ одиноко мерцавшей шестнадцатисвѣчной лампочки читала вечернюю газету. Спросила, не поднимая глазъ:

— Хочешь ужинать?

„Дуется, что ушелъ безъ доклада! — догадался Аверкіевъ. — Ну и наплевать. На всякое чиханье не наздравствуешься“...

Не былъ голоденъ, но съ преувеличеннымъ аппетитомъ ѣлъ разогрѣтую телячью котлету, громко чавкалъ. Потомъ велѣлъ прислугѣ подать бутылку пива. Пріятно было глотать освѣжающую горечь послѣ приторныхъ ликеровъ.

— Что же не спросишь—гдѣ былъ?

Ульяна Мироновна повела круглыми плечами:

— Скажешь и самъ, если захочешь. Я, кажется, никогда тебя не стѣсняю.

Вытирая усы, смоченные бѣлой пѣной пива, Аверкіевъ при-

В. Мазуровский. Пожаръ Москвы (1812 г.).

глядывался къ давно знакомому и странно-новому лицу жены. Вотъ какъ-будто—все то же, что и прежде, что и всегда, до малѣйшей морщинки, до маленькой родинки на щекѣ, до перваго сѣдого волоска на вискахъ. И въ то же время—не то. Только знакомая маска на невѣдомомъ лицѣ.

А маска—всегда только маска, какъ бы хорошо она ни была размалевана.

Спросилъ, удививъ жену непослѣдовательностью вопроса:

— Сколько лѣтъ мы женаты?

— Могъ бы и самъ помнить. Скоро будетъ четырнадцать.

Въ самомъ дѣлѣ—четырнадцать. Четырнадцать лѣтъ видѣлъ все одну и ту же маску и ни разу не полюбопытствовалъ приподнять ее, заглянуть въ то, настоящее. Можетъ-быть, тамъ, гдѣ внѣшне была любовь,—подъ маской нашлись бы только равнодушіе и привычка. Гдѣ нѣжная, любящая ласка—только грубое животное влеченіе. Гдѣ преданность и безкорыстіе — сухой расчетъ. Кто докажетъ, что это не такъ? Кто докажетъ, что сокровенная сущность души и внѣшняя маска—одно и то же?

Не то, разумѣется, не то.

Напримѣръ, дѣвочка. Чѣмъ она внѣшне, наружно отличается отъ тысячъ, миллионовъ дѣвочекъ ея круга, ея возраста? Если поискать хорошенько, то навѣрное можно было бы найти совершенно такую же, съ такими же волосами, глазами, чертами лица, улыбкой и голосомъ. А внутренно она — загадка, мистика, нѣчто

непохожее на всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми до сихъ поръ ставилась жизнь.

— Вотъ теперь, только теперь поумнѣлъ! — вслухъ выговорилъ Аверкіевъ.—Къ лучшему ли?

Ульяна Мироновна неторопливо свернула газету, пригладила ее ладонью и только тогда испытующе взглянула на мужа:

— Что такое съ тобой сегодня? Я даже не могу понять, о чемъ ты говоришь... Непохоже, чтобы ты поумнѣлъ. Скорѣе—наоборотъ.

— Послѣдній умъ растратилъ? И то можетъ быть. Не спорю, милая. Не спорю. Можетъ-быть, это дѣйствительно глупо — не вѣрить тому, что видишь. Не вѣрить очевидности, а?

— Я думаю.

— А если никакой очевидности нѣтъ? Если все — ложь? Тогда какъ?

— Ну, знаешь... Я лучше пойду. Ты, кажется, выпилъ гдѣ-то. Аверкіевъ остался одинъ. Хотѣлъ-было допить бутылку, но пиво казалось уже водянистымъ и пахло мокрой собакой. Махнулъ рукой и, поднявшись со стула медленно, по-стариковски, заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Повторялъ про себя: „Шинь. Тавъ. Ламедъ“

И потомъ:

„Вѣра“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Аполлонъ Бельведерскій.

Повѣсть минувшихъ лѣтъ. Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

(Продолженіе).

XV.

Вотъ уже третій мѣсяць, какъ Бельведерскій въ Италиі.

Онъ живетъ въ Римѣ, обвѣянный древними легендами. Въ стѣнѣ стараго дома, гдѣ его мастерская, ввинчены ржавыя кольца. Всадники былыхъ временъ въ плащахъ и беретахъ привязывали къ этимъ кольцамъ своихъ лошадей. Тяжелая кованая дверь — такія въ сѣрыхъ отъ времени замкахъ и башняхъ встрѣчаются — ведетъ къ Бельведерскому. Онъ запираетъ ее гигантскимъ ключомъ, вѣсящимъ не менѣе фунта. Массивныя, покрытыя дыханіемъ вѣковъ, стѣны, окна въ рѣшеткахъ, гладкія плиты каменнаго пола, гулко отдающаго шаги.

Какъ онъ попалъ въ это средневѣковье, въ этотъ вѣчный городъ, чудившійся ему прекраснымъ, величественнымъ и волшебнымъ?

Торжественный актъ въ круглой конференцъ-залѣ. Съ трепетомъ сидитъ Бельведерскій въ ожиданіи... На немъ вицмундиръ со шпагой, и теперь онъ считается чиновникомъ четырнадцатаго класса. И это сознаніе, что онъ — художникъ, „особа“, въ одномъ рангѣ со станціоннымъ смотрителемъ, — тѣшитъ его своей нелѣпостью.

Секретарь академіи монотонно читаетъ:

„Бельведерскій Аполлонъ за программу „Персидскій царь Камбизъ стрѣляетъ изъ лука въ сына своего вельможи“ удостоенъ большой золотой медали и шестилѣтняго пенсіона въ чужихъ краяхъ“.

Торжественные звуки гуша. Бельведерскій, отъ волненія блѣдный, встаетъ, подходит съ поклономъ къ президенту, графу Толстому. Графъ поздравляетъ его, жметъ руку и бережно, съ благожелательной улыбкой вручаетъ завѣтную медаль.

А дальше сборы къ отъѣзду за границу, хлопоты.

Единственное, что могло бы приковать Бельведерскаго къ Петербургу, — это княжна Софи. Разлука съ нею пугала художника. Но съ другой стороны, если бы онъ даже и остался ради нея въ этомъ казарменномъ и тускломъ, давившемъ его Петербургѣ, чего достигъ бы онъ этой жертвой? Рѣдкая мимолетная встрѣча съ глазу на глазъ. Пожатіе руки, встрѣтившійся взглядъ. И такъ было бы всегда, безъ малѣйшаго проблеска чего-нибудь другого.

Хотя княжна воспитывалась безъ матери и пользовалась той относительной свободой, которой не было у дѣвушекъ ея круга, однакоже Софья все время находилась подъ бдительной опекой мадамъ Гранжъ. Принимали Атраганьевы у себя рѣдко, выѣзжали и того менѣе. Все свободное время отъ государственныхъ дѣлъ князь Никита отдавалъ танцовщицѣ Семеновой, отъ которой у него былъ сынъ, хотя сплетни балетныхъ круговъ отцомъ ребенка называли юнаго, кровь съ молокомъ, гвардейскаго прапорщика Имшина.

Въ послѣднемъ, уже старческомъ, увлеченіи Атрыганьевъ словно забылъ про свою восемнадцатилѣтнюю дочь. Тетушки — а ихъ было много — въ ужасъ приходили отъ одной мысли, что Софья еще до сихъ поръ не замужемъ. Онѣ говорили объ этомъ князю Никитѣ, предлагали ему свои услуги вывозить племянницу въ свѣтъ. Но у Атрыганьева былъ всегда одинаковый отвѣтъ:

— Спѣшить не зачѣмъ. Я за нее спокоенъ. Съ такимъ при-

данымъ, какъ у Софи, въ невѣстахъ не засиживаются. Къ тому же она хороша собою и умница.

Съ Бельведерскимъ ѣхало еще двое пенсіонеровъ. Вѣжливый, бѣлокурый полякъ Подчашинскій, получившій большую золотую медаль за скульптуру, и маленький, невзрачный пейзажистъ Локтевъ. Въ то время, какъ Подчашинскій и Локтевъ должны были волей-неволей удовлетворяться скуднымъ казеннымъ содержаніемъ, — своихъ средствъ ни тотъ ни другой не имѣлъ, — Бельведерскій получилъ на дорогу отъ князя пятьсотъ червонцевъ.

— Это тебѣ на твой заграничный медовый мѣсяць. Теперь ты вступилъ въ законный бракъ съ живописью, — пошутилъ князь и самъ первый кисло какъ-то бритымъ лицомъ улыбнулся своей шуткѣ.

Бельведерскій горячо благодарилъ.

— Не за что. Это я тебѣ впередъ плачу, чтобы ты написалъ мнѣ въ Римѣ для моей галлерей какой-нибудь итальянскій жанръ благороднаго стиля. Кстати, заодно желательнѣе имѣть мнѣ для домовою церкви копію съ „Преображенія“, написаннаго Рафаэлемъ Санціо, что въ Ватиканѣ. Копію надлежитъ исполнить въ натуральную величину. Хочу, чтобы висѣла, какъ запрестольный образъ. Не торопись, но и не затягивай. Деньги переведу черезъ тамошняго банкира Тарліони.

Аполлону везло на рѣдкость. Онъ ѣхалъ въ чужіе края сравнительно съ крупными деньгами и, кромѣ того, уже напередъ былъ обезпеченъ заказомъ. Если бы только не разлука съ княжной, — все такъ хорошо складывалось. Давно-давно манила его Италиа, и чѣмъ больше грезили о ней, тѣмъ горше постылѣлъ ему Петербургъ. Здѣсь, среди тумановъ и болотъ, Бельведерскій особенно тосковалъ по яркому солнцу и той природѣ, которую до сихъ поръ видѣлъ лишь на театральныхъ декорацияхъ.

Съ княжной простился онъ съ глазу на глазъ. Ей удалось на минутку спроводить куда-то мадамъ Гранжъ, и они остались вдвоемъ. Княжна была печальна. Сѣрые ея глаза какъ-то помертвѣли. Протягивая Бельведерскому розу, она тихо молвила:

— Сохраните это на память обо мнѣ.

Онъ молча коснулся губами нѣжныхъ блѣдно-розовыхъ лепестковъ и спряталъ цвѣтокъ на груди. Какъ разъ было время, потому что вошла мадамъ Гранжъ. Вотъ и все ихъ прощаніе. А когда онъ былъ уже въ дверяхъ, онъ услышалъ велѣдъ:

— Черезъ два года, можетъ-статься, мы увидимся въ Римѣ.

Черезъ два года. Сколько воды утечетъ!

Уѣзжая, Бельведерскій написалъ длинное письмо Амфилохію, гдѣ сердечно благодарилъ его за все, что для него сдѣлалъ этотъ блѣдный и скромный человекъ.

„Только черезъ васъ я сталъ человекомъ, — говорилъ въ заключеніе Аполлонъ: — и если бы не ваше любящее сердце, могъ бы выйти изъ меня воръ и грабитель или вообще худой и несчастный человекъ въ тягость себѣ и другимъ“.

Изъ Кронштадта выѣхали на кораблѣ въ Штеттинъ. По части иностранныхъ языковъ дѣло у пенсіонеровъ обстояло не важно. Одинъ Бельведерскій объяснялся кое-какъ по-французски. Другіе два не могли связать самой простой нѣмецкой или французской фразы.

Балтійское море трепало дрянной и старый корабль. Но въ Штеттинъ все же пришелъ благополучно. Дальнѣйшій путь лежалъ черезъ Берлинъ, Дрезденъ, Вѣну, Триестъ. Изъ Триеста въ Венецію — моремъ, а тамъ конечная цѣль путешествія — Римъ. Ъхали въ почтовыхъ дилижансахъ, останавливаясь въ большихъ городахъ на нѣсколько дней для ознакомленія съ туземнымъ художествомъ и картинными галереями.

Бельведерскій общалъ своему профессору Егорову писать свои впечатлѣнія стъ заграничнаго искусства. И первое время аккуратно слѣдовалъ своему общанію. Вотъ небольшой отрывокъ письма изъ Вѣны:

„Церковь св. Стефана было первое посѣщенное мною въ Вѣнѣ мѣсто. Сія огромная, въ XIV вѣкѣ выстроенная, базилика имѣетъ нѣчто поразительное, величественное въ готической своей наружности, испещренной множествомъ мелкихъ украшеній. Между многими памятниками, внутри церкви находящимися, особеннаго вниманія заслуживаетъ надгробіе императора Фридриха III. Оно сдѣлано изъ краснаго, чрезвычайно крѣпкаго, мрамора. Кругомъ на памятникѣ представлены во многихъ барельефахъ и болѣе, нежели въ двухстахъ фигурахъ разныя дѣянія сего императора. Наверху представленъ онъ самъ лежащимъ во гробѣ во всемъ облаченіи. Хотя въ семь произведеній и нѣтъ ничего изящнаго, но нельзя не удивляться отъѣлкъ какъ фигуръ, такъ и разныхъ орнаментовъ. Говорятъ, что надъ симъ памятникомъ трудились цѣлыхъ двадцать лѣтъ“.

Но что поразило Бельведерскаго въ особенности—это Венеція. Въ письмахъ Егорову онъ называлъ ее „пречудною, превеликолѣпною“...

„Нельзя описывать. Надобно видѣть этотъ городъ, совершенно отличный, особенный городъ, стоящій въ водѣ. Надобно видѣть площадь св. Марка, когда на ней толпится безчисленное множество народу. Но теперь уже нѣтъ болѣе венеціанской республики, нѣтъ болѣе прокураторовъ, которые бы исправили падающіе дворцы и церкви, нѣкогда бывшіе изумительными.“

„Церковь св. Марка, какъ ни чудна архитектура ея въ подробностяхъ, имѣетъ въ общей своей массѣ нѣчто поражающее. И хотя время много ее повредило, хотя мраморъ ея обломанный, хотя мозаики ея потеряли цвѣтъ и начинаютъ выпадать, но она все еще служитъ наилучшимъ украшеніемъ города. Площадь св. Марка, кажется, болѣе подходит на пространный дворъ какого-нибудь великолѣпнаго палаццо, нежели на городскую площадь.“

„Посѣтилъ находящуюся въ домѣ Манфрина картинную галерею, нынѣ почитаемую первою частною галлереей въ Венеціи; по крайней мѣрѣ во всей Венеціи только здѣсь картины содержатся въ порядкѣ и чистотѣ. Болѣе прочихъ памятни мнѣ: Тиціаномъ писанный портретъ Катерины Пизани, бывшей королевы Кипрской, на которомъ тѣло изображено столь живо, что, кажется, можно его осязать. Съ Магдалины Корреджіо, имѣющей въ общемъ тонѣ нѣкоторое сходство съ его Магдалиной въ Дрезденѣ, и Гвидо Ренія „Аполлонъ, привязывающій къ дереву сатира Марсія“. Далѣе нѣсколько прекрасныхъ картинъ Луки Жордана, Тиціана, Юлія Романа, Мазаччіо и другихъ.“

„Мы пробыли въ Венеціи нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ, пользуясь прекраснѣйшей лѣтней погодой, осмотрѣли все достойное примѣчанія. Итакъ, дорогой и глубокочтимый профессоръ, до свиданія и считайте, что я перелетѣлъ изъ Венеціи въ Римъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы переѣхали черезъ Падую, Феррару, Болонью, Флоренцію, Монтефіасконе и Витебро. И, почти не останавливаясь, послѣ одиннадцатидневнаго путешествія прибыли въ Вѣчный городъ“.

XVI.

Римъ теперешній и Римъ двадцатыхъ годовъ, когда тамъ жилъ Бельведерскій,—небо и земля. Это былъ единственный городъ въ мірѣ, такой своеобразный, патриархальный, такой богатый и вмѣстѣ нищенски-бѣдный. Городъ папы, кардиналовъ, епископовъ, городъ монаховъ. Всѣ свѣтскія должности занимали духовныя лица. Начальникомъ папской полиціи, папскихъ сборовъ былъ кардиналъ. Монахи на каждомъ шагу. Бородатые капуцины, іезуиты, бенедиктинцы, трапписты. Откуда-то издалека, чуть ли не съ самаго края свѣта, пріѣзжали миссіонеры и водили за собою дикарей, обращенныхъ въ христіанскую вѣру. Иногда эти подвиги во славу католической церкви дорого обходились братьямъ-миссіонерамъ. Тамъ, въ этихъ легендарныхъ варварскихъ земляхъ, они оставляли свои уши, глаза, носы, кисти рукъ, возвращаясь въ Вѣчный городъ къ святѣйшему престолу изуродованными калѣками.

Ночью весь Римъ погружался во мракъ. Ни одного фонаря. Это теперь онъ освѣщенъ электричествомъ. А тогда было совсѣмъ какъ во времена цезарскаго Рима. И такъ же грабили прохожихъ на самыхъ бойкихъ улицахъ. Но въ то же время все дышало религіозными традиціями. Въ знакъ смиренія всѣ первые аристократы, всѣ эти Боргезе, Палловичини, Дорія—мыли ноги пилигримамъ; они же собирали подаяніе для бѣдныхъ. Приходить въ домъ челоуѣкъ. Лицо закрыто капюшономъ. Навѣрное какой-нибудь знатный принчипе или маркезе... Но кто именно — угадать нельзя. Непроницаемый капюшонъ лишь съ отверстіями для глазъ совершенно скрываетъ лицо, дѣлая всю фигуру таинственной и зловѣщей. Фигура смиренно кланяется и терпѣливо ждетъ, пока ей дадутъ въ пользу бѣдныхъ какой-нибудь скуди или, еще хуже—папетто.

Мертвое величіе памятниковъ древняго Рима съ его Колизеемъ, форумомъ, термами, Башней Ангела — и рядомъ простота удивительная. На улицахъ разыгрывались въ лотерею каплуны, сосиски. Изъ окна своей мастерской Бельведерскій наблюдать презабавныя сцены. Иногда и самъ принималъ въ нихъ участіе. Разъ посчастливилось ему выиграть жирнаго каплуна. Толпа завистниковъ свистѣла, шикала. На этого каплуна художникъ пригласилъ художниковъ-пенсіонеровъ... Нѣсколько громадныхъ фульть добраго кіанти—и молодежь кутила до утра.

Попадались въ Римѣ среди русскихъ живописцевъ типы удивительные. Цѣповъ, напримѣръ. Всѣ его звали Митюхой. Какой рисовальщикъ! А между тѣмъ погибъ. Спился и умеръ. Здоровенный былъ мужикъ. Налетѣя—ни разу не обходилось безъ скандала. То одинъ-одинешенекъ разобьетъ ночью патруль карабинеровъ, то выкинетъ такую штуку — руками развести надо отъ изумленія.

Да, плохо кончилъ Митюха. Еще по дорогѣ въ Римъ скандалилъ. Въ Дрезденѣ на Брюлловской террасѣ заставилъ оркестръ „Боже, Царя храни“ играть. Музыканты исполнили гимнъ, а онъ давай палкой съ нѣмцевъ шляпы сбивать. Арестовали Митюху. Въ тюрьмѣ сидѣлъ.

Муранскій, Воцининъ—тѣ совсѣмъ въ другомъ духѣ... Муранскій,—его хорошо передаетъ музейный портретъ,—декоративный такой. Локоны, энергичный поворотъ головы. И въ жизни то же самое. Задрапируется въ плащъ и ходитъ мрачный. Загадочный взглядъ. Это былъ типъ романтическаго злодѣя. Окружалъ онъ себя полной непроницаемостью. Запирался, никого не пускалъ въ мастерскую. Что онъ дѣлаетъ, какъ живетъ—никто не зналъ.

Воцининъ—тотъ красавецъ и щеголь. Художникъ онъ былъ никакой. Но женщинъ сводилъ съ ума. Его зналъ весь Римъ. Выидетъ на корсо, одѣтый съ иголочки, фракъ, панталоны тѣлеснаго цвѣта со штрипками. Станетъ на видномъ мѣстѣ: любуйтесь, молъ. А мимо ѣдутъ въ своихъ экипажахъ патриціанки и не спускаютъ съ него лорнетовъ. Побѣдъ у Воцинина было тьма. Появленіе Бельведерскаго, пріѣхавшаго годомъ позднѣе, не на шутку встревожило Воцинина. Влюбленный въ себя, онъ спрашивалъ товарищей:

— Кто изъ насъ красивѣй—Бельведерскій или я?

И до слезъ бѣсился, когда ему говорили, что Бельведерскій красивѣй. Въ концѣ концовъ, при всей своей миролюбивости, Воцининъ возненавидѣлъ Аполлона и слышать не могъ его имени.

Шесть лѣтъ прожилъ Воцининъ въ Римѣ, а такъ ничего не написалъ. Какъ сдѣлалъ подмалевокъ къ головѣ натурщика, за все время кистью не дотронулся. Такъ и уѣхалъ.

Первые мѣсяцы Бельведерскій даже не трогалъ кистей и палитры. Жадно впитывалъ онъ въ себя, воспринималъ весь этотъ хаосъ такихъ новыхъ, захватывающихъ впечатлѣній. И все время вставали передъ нимъ два Рима. Одинъ—античный, время цезарей, гладиаторскихъ боевъ, триумфовъ съ косматыми плѣнными варварами и легионами, подъ которыми дрожала земля; другой—папскій Римъ временъ Борджіа, съ ватиканскими оргіями, полными распутства и языческой красоты оргіями, на которыхъ пили вино изъ кубковъ Челини. И одинаково манили къ себѣ художника оба эти Рима, и онъ изучалъ и по книгамъ и по углѣвшимся реликвіямъ, пропадая то на форумѣ, то на дорогѣ Аппія, то въ Ватиканскомъ музеѣ и старыхъ палаццо, этихъ художественныхъ сокровищницахъ.

Римъ, въ особенности въ первые дни, такъ увлекъ Бельведерскаго, что онъ позабылъ о существованіи господина Киль, нѣмца. Богъ вѣсть какимъ образомъ получившаго должность начальника русскихъ пенсіонеровъ. Этому Килью Бельведерскій долженъ былъ представиться тотчасъ же по прибытіи. Но сдѣлалъ онъ это лишь черезъ мѣсяць.

Киль, бритый, въ очкахъ и въ парикѣ, встрѣтилъ пенсіонера болѣе чѣмъ холодно.

— Ви не считаитъ дольгомъ являться ко мнѣ. Ви уже здѣсь столько врѣмья и не приходилъ сюда мой канцелярѣн. О, я слышалъ про васъ, каспадинъ Бельведерскій, слышалъ, — погрозилъ Киль костлявымъ пальцемъ.

— Что вы слышали?—спросилъ Бельведерскій спокойно и твердо, вотъ-вотъ готовый вспыхнуть и дать отпоръ „нѣмчурѣ“.

— О, я слышалъ, вы имѣтѣ на голова таки разныя идеи. Это не карашо, каспадинъ Бельведерскій, очень не карашо.

— А еще что вы слышали?

— Пожалуста, не говорить со мною такой тонъ. Я должень спрашивать, ви должны слышать. Говорить мнѣ, каспадинъ Бельведерскій, что вы началъ уже работайть?..

— Пока ничего...

— Ай, ай, цѣльни мѣсяць ви бьетъ ба... ба... какъ это називается, баклюши. Ну, когда же ви конецъ концовъ начинаеть работайть?

— Не знаю. Вы, кажется, господинъ Киль, почитаете меня за мастерового. Какъ я могу производить картину, не перечувствовавъ душой и сердцемъ все богатство окружающихъ меня новыхъ впечатлѣній?

Сухой палецъ Килья опять замелькалъ въ воздухѣ:

— Эти впечатлѣнія, это оговорка лѣнтяевъ... Ви думаетъ, что ви талья... тальянтъ, такъ не надо работайть. Черезъ мѣсяць я пріиходилъ на вашъ студіумъ и смотрѣлъ, что ви дѣлаетъ. И если ви будете продолжатъ битъ эти ба... ба... баклюшъ, то я сейчасъ ш...

шесть нахъ Петербургъ въ академіи художествъ, что ви кушать даромъ казени хлѣбъ.

Въ темныхъ глазахъ Бельведерскаго мелькнуло самое откровенное презрѣніе.

— Писать вы можете въ академію какія вамъ заблагоразсудятся глупости, а въ студию свою я васъ не пущу. Ни черезъ мѣсяць, никогда, поняли!

Киль въ ярости затопалъ ногами, уронилъ очки, нагнулся поднимать ихъ. Въ это время съ головы его сползъ парикъ, обнаживъ, какъ бильярдный шаръ, черепъ. Бельведерскій не могъ удержаться отъ улыбки. Это привело Киль въ еще большее обшество:

— Ви русскій, ви дерзкій люди, невоспитанны! Я сейчасъ же поѣхалъ на посланникъ графъ Гурьевъ и приносите на васъ жалобу! Онъ выселяетъ васъ цурюкъ нахъ Русландъ!

Но Бельведерскій не слышалъ послѣдней угрозы: онъ былъ уже на улицѣ. Онъ кипѣлъ досадой и гнѣвомъ не такъ на самого Киль, какъ на тѣхъ, кто сдѣлалъ этого недалекаго, тупого нѣмца, очевидно, страшно далекаго отъ художества, начальникомъ русскихъ пенсионеровъ. И въ то же время, вспоминая комическую фигуру Киль, потерявшаго свой парикъ, Аполлонъ такъ весело хохоталъ, что прохожіе съ удивленіемъ осматривались, чему безъ всякой видимой причины смѣется этотъ молодой красавецъ въ блѣдне-сиреневомъ фракѣ и папалонахъ со штрипками, обтягивающихъ его стройныя ноги.

Не будучи щеголемъ по природѣ своей, Бельведерскій, мало заботясь объ этомъ, одѣвался съ отмѣннымъ изяществомъ и вкусомъ. Рядомъ съ получавшими скудный пенсіонъ товарищами онъ былъ чуть ли не крезомъ благодаря княжескимъ червонцамъ. Незаслуженныя Килевы нападенія по поводу битвы „баклюшъ“ напомнили Бельведерскому его обязательства относительно Атрыганьева.

Въ это же утро онъ побывалъ въ Ватиканѣ. Смѣрилъ величину холста Рафаэлева „Преображенія“ и на другой день приступилъ къ копіи этой замѣчательной картины. И другіе живописцы и посѣтители съ удивленіемъ наблюдали его работу, его богатую технику. Въ двѣ недѣли большой холстъ былъ готовъ, и только свѣжесть красокъ помогала отличить копію отъ подлинника. Одинъ старичокъ бросился жать руки Бельведерскому. По его словамъ, — Бельведерскій уже понималъ итальянскую рѣчь, — никто изъ живописцевъ, копировавшихъ „Преображеніе“, не достигалъ такого совершенства въ передачѣ воздушной и призрачной фигуры Христа, возносящейся къ небесамъ.

XVII.

На этомъ карнавалѣ Бельведерскій познакомился съ графиней Альмена.

Вотъ какъ произошло знакомство. Но сначала скажемъ о самомъ карнавалѣ. Нынче не осталось и тѣни. Во времена же Аполлона и Воцинина римскіе карнавалы были такъ интересны, что къ тому времени стекались въ Вѣчный городъ чуть ли не со всего свѣта любители красивыхъ и яркихъ зрѣлищъ.

За цѣлый мѣсяць начинали готовиться римскіе художники къ римскому карнавалу. Художники всѣхъ странъ — французы, итальянцы, испанцы, русскіе, — каждая группа старалась перецеголять другъ друга своими колесницами. Въ годъ, когда Бельведерскій познакомился съ графиней Альмена, русская колесница была первой. Всѣ ей рукоплескали. Придумалъ ее Бельведерскій. Придумалъ въ видѣ исполннскаго гнѣзда. Сдѣлалъ настоящее гнѣздо, а сами нарядились птицами. Заказали широкіе цвѣтные балахоны и картонныя птичьи головы. Бельведерскій былъ дупелемъ. Сѣрый въ крапинкахъ балахонъ и длинный-предлинный носъ. Воцининъ — лебедемъ. Это шло къ нему. Бельведерскій смѣялся:

— Ты бы нарядился кукушкой, — ты такъ же, какъ и она, устраиваешься въ чужія гнѣзда.

Цѣповъ твердилъ все:

— Воробушкомъ хочу быть, воробушкомъ.

Это выходило у него даже сентиментально. Воробушкомъ. Здоровый дѣтина, въ плечахъ косая сажень — и вдругъ воробушкомъ.

Муранскій представился чернымъ ворономъ, и это было такъ стильно для его мрачной фигуры.

Русская колесница всѣхъ затмила. Шумъ, ликованіе. Тяжелая четверка лошадей съ трудомъ подвигалась въ толпѣ. Художники запаслись букетами цвѣтовъ. Много закупили букетовъ, и давай разбрасывать во всѣ стороны. Въ нихъ — тоже цвѣтами. Настоящій перекрестный огонь. Смѣхъ, улыбки, возгласы, сверкающіе зубы, чудные черные глаза, глаза римлянокъ. Тогда порода была чище. И какія красавицы!

Забрасывали художниковъ-птицъ не только цвѣтами. При всей ихъ дешевизнѣ, цвѣты въ общемъ все же обходились по одному паплету за средней величины букетъ. Гораздо больше обсыпали конфеттаціи. Это — ячменное зерно, обсыпанное мукою. Въ балахонахъ еще незамѣтно, а если въ обыкновенномъ костюмѣ — въ двѣ минуты станешь похожимъ на мельника.

Прежде Воцининъ, бывало, страшно злился, если его фракъ запачканъ. Куда исчезала его обычная корректность. Перегнется за бортъ колесницы и давай грозить кулаками. А женщины ему — воздушные поцѣлун. Очень ужъ красивъ былъ. На такого нельзя сердиться.

Среди этой кипени карнавала чья-то рука особенно усердно

запустила въ гнѣздо горстью конфеттаціи. Зерна угодили прямо въ лебединую маску Воцинина. Онъ хотѣлъ выругаться, но глянулъ и вмѣсто брани повторялъ:

— Che bella, che bella...

И вмѣсто брани рукоплескалъ ей. А за нимъ и всѣ остальные. И было чему рукоплескать. Что за глаза! Въ нихъ и южная темная ночь, и любовь, и страсть. Большіе, черные, глубокіе, бархатные, подернутые какой-то влагой. Черты лица по законченности и правильнымъ линиямъ смѣло могли соперничать съ каменьями Августа.

Но это не была римлянка. Это была испанка. Упругіе локоны трепетали у висковъ. Пышная высокая прическа сдерживалась черепаховымъ гребнемъ тончайшей работы. Вся въ черномъ была красавица. Черная мантилья, черное платье, черныя перчатки и черный вѣеръ. Что-то изысканное, траурное было въ этой глубокой гармоніи чернаго цвѣта. И блѣднымъ-блѣднымъ казалось напудренное лицо. Въ Испаніи, въ особенности южной, въ Андалузіи и Валенсіи считается неприличнымъ, если женщину увидятъ на улицѣ или въ храмѣ не напудренной.

Митюха и тотъ не выдержалъ:

— Ай да баба-краса! Хочешь къ намъ?

И выкинулъ одну изъ своихъ штукъ. Совсѣмъ перегнулся за бортъ, гнѣздо колесницы накренилось — вотъ-вотъ всѣ полетятъ, схватилъ испанку за руку и сильнымъ движеніемъ втащилъ ее. И въ гнѣздѣ вдругъ очутилась прекрасная, ярко-пестрая птичка. Сперва всѣ художники испугались, не разсердится ли она за такую грубую, неслыханную безцеремонность.

Нѣтъ. Улыбается сквозь зубы и смотритъ на всѣхъ такъ задорно-весело. И всѣмъ стало веселѣе и праздничнѣе. Даже молчаливый Муранскій и тотъ сказалъ испанкѣ нѣсколько словъ.

Хотя молодая женщина очнулась въ колесницѣ при не совсѣмъ обычныхъ условіяхъ, и этотъ добровольный плѣнъ только забавлялъ ее, однако съ перваго впечатлѣнія было видно, что это не искательница приключеній, выгодной жертвы въ международной толпѣ римскаго карнавала. И хотя она непринужденно смѣялась, хотя движенія ея были развязнѣе, чѣмъ слѣдовало, но печать изящества и породы чувствовалась во всемъ ея обликѣ, сказывалась въ манерахъ. По-итальянски она говорила чисто. Но еще чище были произнесены ею вскользь двѣ-три французскія фразы. Это — когда она узнала, что художники русскіе, и еще не всѣ успѣли овладѣть итальянской рѣчью.

Туалетъ испанки отличался той изысканной скромностью, которая дается воспитаніемъ и вкусомъ. Ничего яркаго, никакихъ драгоценностей. Только въ небольшихъ розоватыхъ ушахъ — жемчужныя серьги древней мавританской работы. Скупой Воцининъ, все и всегда переводившій на деньги, рѣшилъ, что онъ смѣло могъ бы прожить лѣтъ десять на среднюю стоимость этихъ серегъ.

Колесница подвигалась среди шумной и пестрой толпы. Трудно было говорить и слушать среди свиста, мяуканья, лая и пронзительныхъ звуковъ фанфаръ. Кругомъ говорили и кричали. Больше кричали на всѣхъ языкахъ міра. Вотъ колыхнется надъ человѣческими волнами гигантскій, бѣлый, мучнистый пучинелло, подвигающійся на колесикахъ. Вотъ экзотическій букетъ изъ персовъ, арабовъ, турокъ, грековъ и тунисскихъ евреевъ. Вотъ усыпанная самоцвѣтными камнями чалма индійскаго магараджи.

Русскіе замѣтили, что нѣсколько разъ испанка закрывала лицо мантилей, словно не желая быть узнаваемой. И такъ это было взаправду. Стоило поравняться съ гнѣздомъ русскихъ живописцевъ коляскѣ знатной патриціанки или какого-нибудь кардинала, испанка отворачивалась, и сквозь густое кружево мантильи лишь тайнственно сверкали глаза.

— Синьора кого-то боится, — замѣтилъ Воцининъ глухо, чужимъ подъ маскою голосомъ.

— Синьора контесса, — властно поправила его испанка.

— Синьора контесса кого-то боится, — послушно повторилъ Воцининъ, думая въ то же время: — „Ого, оказывается, еще графиня“.

— Я никого не боюсь, но не желаю, чтобы меня видѣли въ этой колесницѣ мои знакомые. А теперь у меня къ вамъ просьба, синьоры. Мы находимся въ неравныхъ условіяхъ. Вы видите меня настоящую, какъ я есть, а я вижу вмѣсто человѣческихъ лицъ какія-то птичьи головы. Я предпочитаю первое, и поэтому сейчасъ же извольте снять маски.

Воцининъ первый съ удовольствіемъ поспѣшилъ исполнить это приказаніе. Онъ не сомнѣвался, что красота его произведетъ впечатлѣніе на испанскую контессу и, кто знаетъ... Ему уже мерещится интересный романъ. Но — увы! — взгляды графини лишь на мгновение задержались на лицѣ Воцинина. Зато внимательно и долго всматривалась она въ Бельведерскаго. Мужичкое, съ пухлыми открытыми губами лицо Митюхи вызвало у нея усмѣшку. Муранскій, въ трагической позѣ, скрестивъ на груди руки, не сводилъ съ испанки неподвижнаго, мрачно горящаго взгляда.

— А теперь, синьоры, когда я познакомилась съ вами, теперь мнѣ пора. Отвезите меня куда-нибудь въ менѣе людное мѣсто, хотя бы на площадь Венеціи. Тамъ есть глухой уголокъ, и я покину ваше радушно гнѣздышко.

— Какъ, уже?.. — вырвалось у Воцинина.

— А вы думали, я навсегда съ вами останусь? — кокетливо

Памятникъ 27-й дивизіи
ген. Невѣровскаго.

Французскій національный памятникъ, сооруженный
на Бородинскомъ полѣ у Шевардинскаго редута.

Памятникъ л.-гв. Измайловскаго полка
на Бородинскомъ полѣ.

Памятникъ 3-й пѣхотной дивизіи
ген. Коновницына (въ оградѣ
Бородинскаго монастыря).

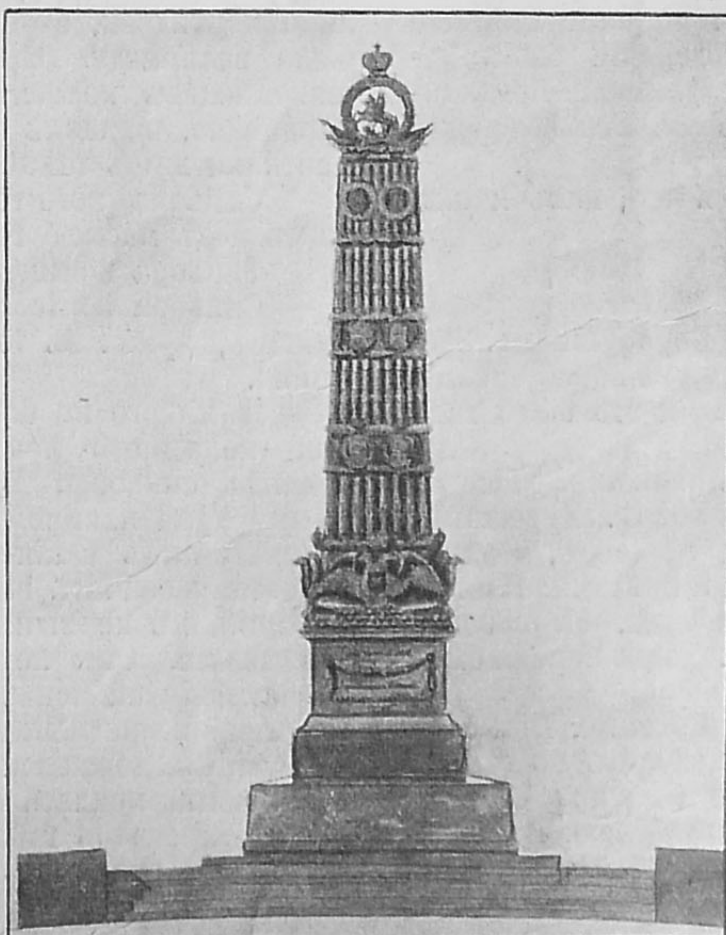
Памятникъ 53-го Волынскаго полка.

Памятникъ на Шевардинскомъ редутѣ.

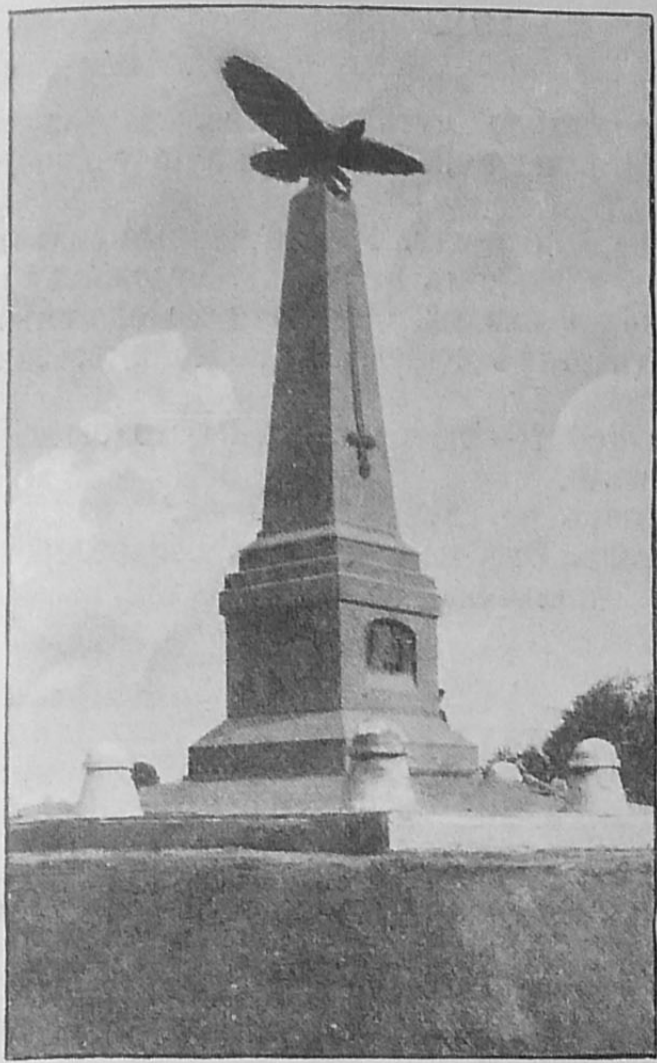
Памятникъ на могилѣ ген. Невѣровскаго
на Семеновскихъ флешахъ.

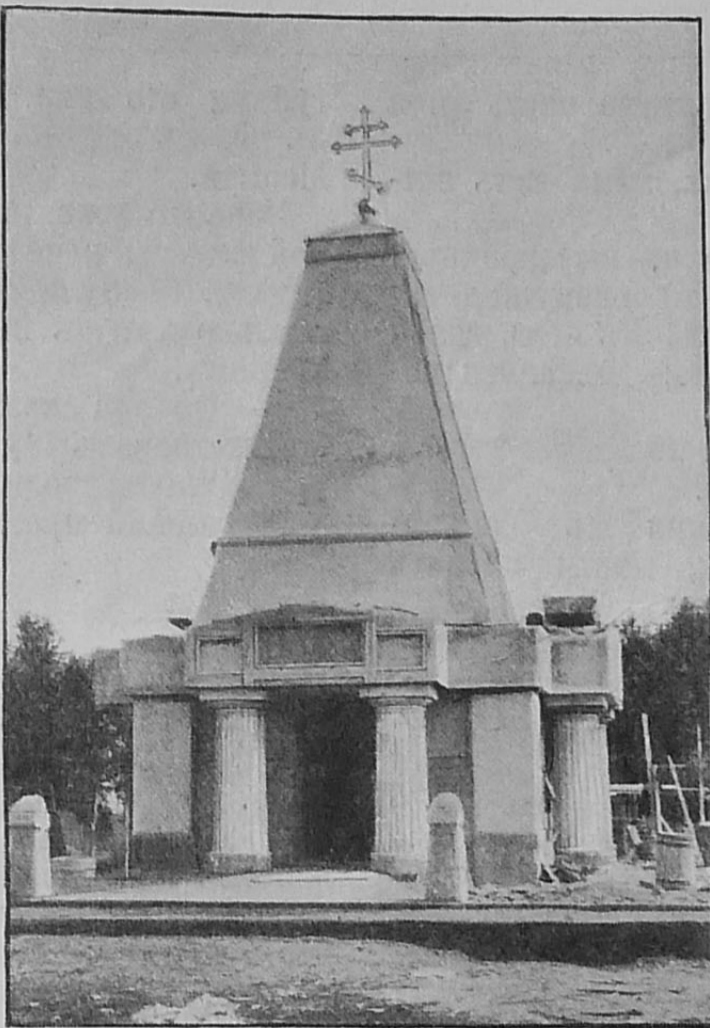
Юбилейный обелискъ, сооруженный на Бородинскомъ
полѣ по проекту члена управы С. К. Родіонова.

„Доблестнымъ предкамъ 1-я Его Величества
батарея гвардейской конно-артиллерійской
бригады“. Сооруженъ у Семеновскихъ
флешей. (Точно такой же памятникъ
сооруженъ у батареи Раевского 2-й
Его Величества батареи).

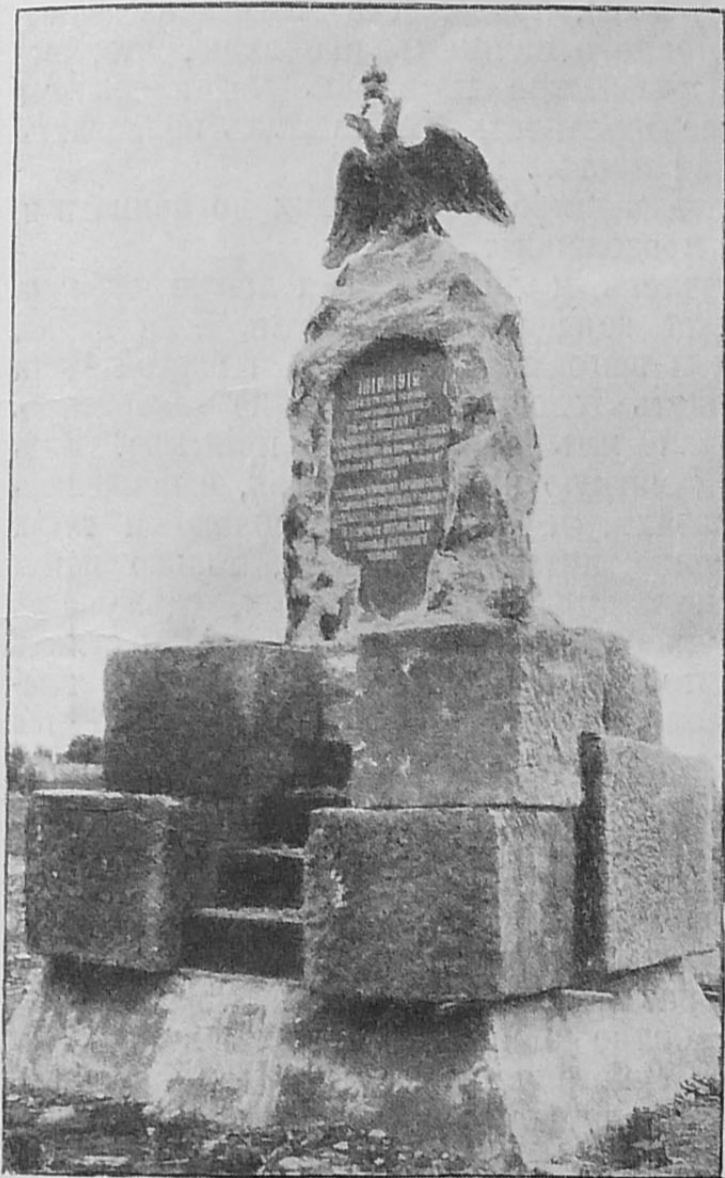
Памятникъ Кутузову у дер. Горки.

Памятникъ-часовня 4-го гренадерскаго Несвижскаго полка у дер. Горки.

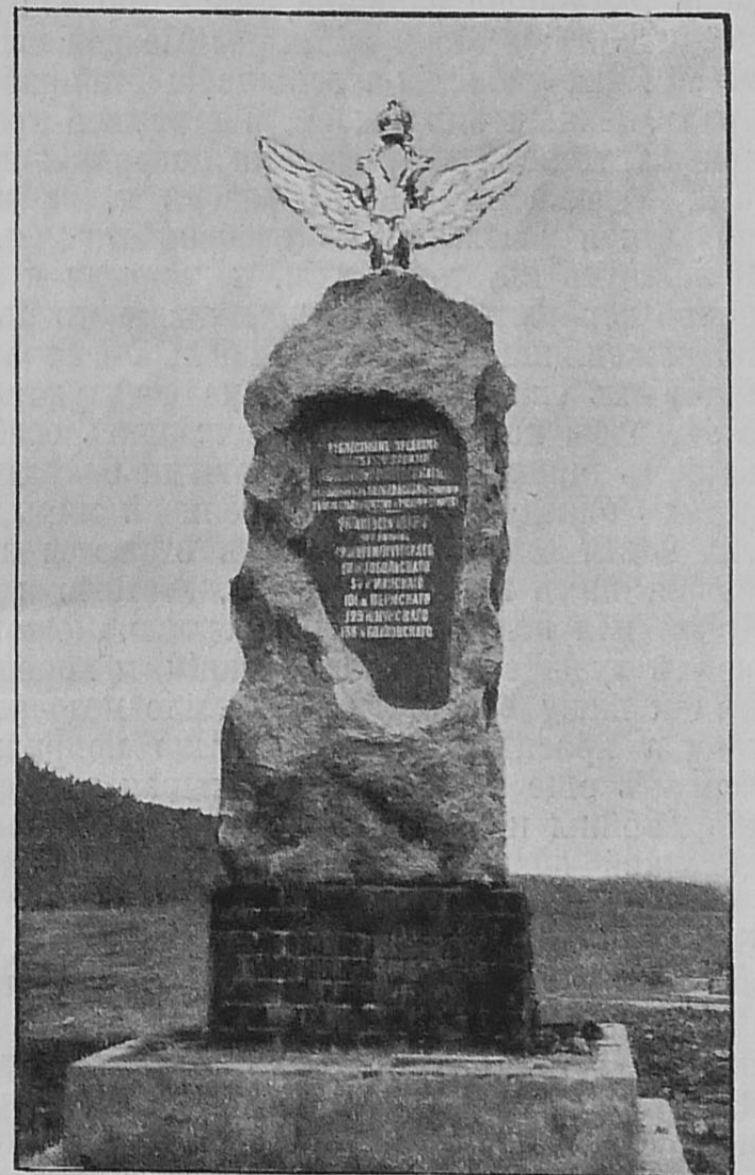
Памятникъ л.-гв. Московскаго полка.

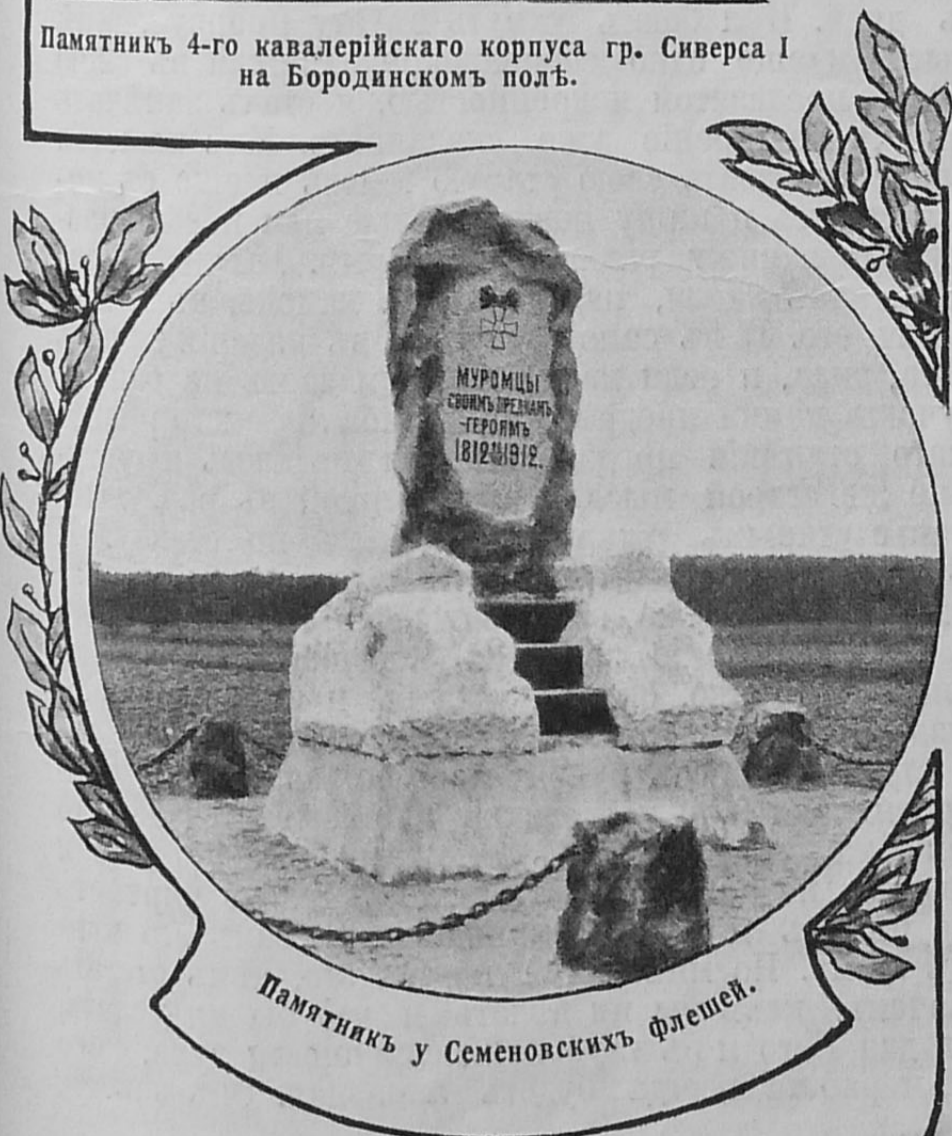
Памятникъ 4-го кавалерійскаго корпуса гр. Сиверса I на Бородинскомъ полѣ.

Юбилейная триумфальная арка, сооруженная на Бородинскомъ полѣ членомъ управы С. К. Родіоновымъ.

Доблестнымъ предкамъ 4-й пѣхотной дивизіи принца Виртембергскаго, у Семеновской флешей.

Памятникъ у Семеновскихъ флешей.

Памятникъ 2-й гренадерской дивизіи принца Мекленбургскаго Карла своимъ предкамъ на Бородинскомъ полѣ.

Памятникъ 24-й пѣхотной дивизіи своимъ предкамъ, у батареи Раевскаго.

Памятники на Бородинскомъ полѣ.

улыбнулась испанка одними глазами. Всю нижнюю часть лица она закрыла вѣеромъ.

Воцѣпивъ волей-неволей, перегнувшись внизъ, приказала вѣтерину ѣхать на площадь Венеціи.

Вотъ и угрюмый палаццо кардинала Бомпани, выстроенный изъ гранитныхъ плитъ, составлявшихъ когда-то разрушенныя части Колизея. Вотъ узкій, безлюдный переулочекъ. Въ немъ рѣяли уже вечернія полупотемки. Было тихо, пустынно; доносился погасающій шумъ карнавала.

— Здѣсь...

Гнѣздо на колесахъ тотчасъ же остановилось.

— Помогите мнѣ сойти, — обратилась графиня къ Бельведерскому. — Дайте вашу руку, вотъ такъ, — и, почти касаясь

губами его уха, прошептала чуть слышно: — завтра вечеромъ въ девять часовъ ждите меня на Монте Пинчю у воротъ виллы Медичи.

Испанка уже на твердой землѣ. Рѣзкій черный силуэтъ стройной фигуры исчезъ въ узенькомъ переулкѣ. Художники смотрѣли вѣлѣдъ. Стинула точно въ сказкѣ. Словно и не она смѣялась вѣскольکو минутъ передъ этимъ здѣсь, въ колесницѣ, закрывалась вѣеромъ.

— Чтò она сказала тебѣ? — не безъ ревниваго оттѣнка полюбопытствовалъ Муранскій.

— Она попросила насъ не слѣдить за нею...

Муранскій промолчалъ. Онъ не повѣрилъ Бельведерскому.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л. Н. Толстой о „Войнѣ и Мирѣ“.

И. Тенеромо.

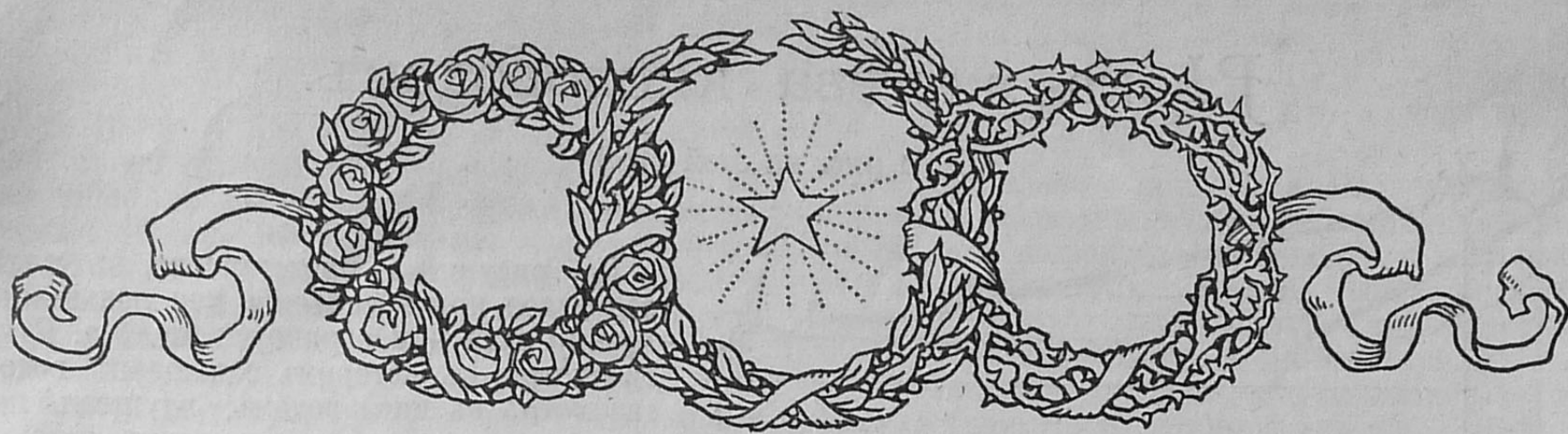
Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Я не кокетничаю, я говорю вамъ совершеннѣйшую правду, что я искренно считаю эти писанія мои слабыми и малозначительными. Художественныя вещи мнѣ даются легко, и это для меня то же, что для пловца, когда онъ, проплывъ большое расстояние и уставъ отъ работы, поворачивается на спину и лежитъ, отдавшись игрѣ воды и вѣтра. Онъ отдыхаетъ и забавляется. Для меня настоящее плаваніе, въ которое я пустился еще съ отроческихъ лѣтъ, это — работа религиозной мысли и всѣ писанія, служащія для уясненія и освѣщенія этой работы. Это — мой трудъ, — трудъ, полный напряженія и огромной траты духовныхъ силъ, и, только уставъ, я временами поворачиваюсь на спину и отдаюся игрѣ художественныхъ образовъ и, забавляясь, пишу романы, повѣсти и рассказы, въ особенности изъ жизни нашего круга. Я плещусь въ этой стихіи, и могу ли я этимъ плесканіемъ особенно дорожить? Еще я сравниваю это съ чувствомъ многорожавшей женщины, окруженной большой семьей. Странно, но тѣ дѣти, которыхъ она легко родила, не пользуются ея любовью и лаской, а тѣ, роды которыхъ сопровождалась особыми муками, накладываніемъ щипцовъ, послѣродовыми болѣзнями и т. д., — въ этихъ дѣтяхъ она души не чааетъ, они ей милы, и вся материнская ласка и вся теплота ея чувствъ отдаются имъ. То, что она была изъ-за нихъ на краю смерти, — это-то и приковало ее къ нимъ. То же и я испытываю и не спорю, можетъ-быть, нѣкоторыя изъ моихъ художественныхъ писаній и хороши, но я не очарованъ ими и вижу всегда въ нихъ такіе недостатки, за которые, право, иногда краснѣю, но уже поздно поправить. Вотъ, на примѣръ, совсѣмъ еще недавно, прочитывая корректуру для новаго изданія „Войны и Мира“, я былъ прямо пораженъ одной очень нескладной сценой, на которую я набрелъ въ послѣднемъ томѣ этого романа. Помните, когда Николай Ростовъ молится, чтобъ Богъ устроилъ ему женитьбу на богатой княжнѣ Марьѣ, и чтобъ все было гладко по отношенію къ оставляемой имъ невѣстѣ Сонѣ, къ бѣдной кузинѣ, съ которой онъ связанъ словомъ и давнимъ чувствомъ любви. Онъ поставилъ трубку въ уголь, сложилъ и, ставъ передъ образомъ, началъ молиться такъ, какъ давно не молился. Вдругъ заходитъ Лаврушка, его денщикъ, и подаетъ ему два письма, одно отъ матери, а другое отъ Сони. Онъ быстро распечатываетъ прежде всего письмо отъ Сони и, къ удивленію своему, читаетъ, что Соня освобождаетъ его отъ слова и разрѣшаетъ ему жениться на другой. Я хорошо помню, какъ я писалъ эту сцену. Какъ-то само собой у меня вышло это странное совпаденіе. Мнѣ казалось, что такъ эффектно. Но, написавъ это и перечитавъ еще разъ, я увидѣлъ, что дѣло немножко не ладно, и сталъ поправлять, сталъ объяснять, почему это случилось. И вышло, конечно, еще неладнѣе. Я придумалъ сложную и плохо слѣбленную сцену съ Наташей и Соней въ номерахъ Троицкой лавры, когда Соня узнала, что Наташа опять будетъ невѣстой у Андрея, и, слѣдовательно, Николаю нельзя будетъ жениться на сестрѣ Андрея, княжнѣ Марьѣ. И тогда-то Соня великодушничала и написала Николаю свой отказъ, — молъ, все равно на ней не женишься, я въ твоихъ глазахъ вырасту и еще болѣе привяжу тебя. И письмо Сони совпадало съ моментомъ его молитвы. Это, конечно, для сказки еще терпимо, но не для правдиваго романа. Потомъ вся эта исторія съ женитьбой, какая-то шитая, и плохо шитая. Ростовы бѣгутъ изъ Москвы, они въ пути, живутъ на бивуакѣ, Николай офицеромъ въ дѣйствующей арміи, работаетъ въ огнѣ, а мать въ это время и спитъ и думаетъ, какъ бы хорошо было, если бы Николенка женился на богатой княжнѣ, къ которой онъ случайно заѣхалъ во время рекогносцировки. Не правда ли, плохо держится? Къ тому еще и самое богатство княжны Болконской за тучами. Гдѣ оно? Родное село разорено, другое захвачено французами, остатокъ скарба еле вывезены, и сама невѣста живетъ теперь въ Воронежѣ; о какомъ же состояніи тутъ думать? И возможно ли допустить, что мать будетъ терзать милую Соню и принуждать къ отказу отъ Николая въ такое страшное время, когда она не увѣрена еще, живъ ли самъ

женихъ Николенка и не лежитъ ли онъ съ французской пулей въ груди гдѣ-нибудь подъ холмомъ? Несуразно. И только потому, что вся эта несуразность пересыпана блестками немудреной психологіи и одобрена небольшими наблюденіями надъ переживаніями души, — люди читали и читаютъ вещь и не замѣчаютъ крайне неудачной работы и еще восторгаются „геніальнымъ авторомъ“ „Войны и Мира“. Охъ, эти славословы, эти литературные трубачи! Захлебываются. А я бы, право, весь этотъ эпизодъ выбросилъ, да неохота все заново начинать, ибо знаю, что тронешь въ одномъ мѣстѣ, неизбежно потянешь нитки другихъ мѣстъ, и придется почти все переделывать. Я и не сталъ поправлять. Сказка, такъ сказка, пускай идетъ...

Левъ Николаевичъ шагалъ широкими шагами по комнатамъ и, заложивъ руки за спину, продолжалъ:

— Но меня иногда смущаетъ и другое, и я ловлю себя на досадной и болѣзненной для сердца моего мысли. Если вѣрно, что я пишу не для славы и выгоды, а для Бога и благой вѣсти людямъ, то почему не внять голосу людей и не говорить съ ними въ той формѣ, какая имъ понятнѣе и пріятнѣе? Вѣдь даютъ же дѣтямъ молоко и мягкую пиццу, а мысль, выраженная въ художественныхъ образахъ, и есть такое молоко и такая пицца. Вѣдь я и самъ раньше питался этимъ и, только придя въ духовный возрастъ, понаторѣлъ въ работѣ и, сдѣлавшись зубастымъ, сталъ грызть твердую пиццу разсужденій и сухихъ выкладокъ. И не есть ли это гордость съ моей стороны и тщательное закрываемое тщеславіе, когда мнѣ почему-то хочется давать людямъ именно эту твердую пиццу, эти галеты высшей философіи и тонкаго умозрѣнія? Натѣ, молъ, грызите и смотрите и удивляйтесь, какой я большой, и какіе у меня крѣпкіе зубы, когда я могу угрызть такіе сухари! Говорю я это себѣ и вижу, что дѣйствительно къ старости во мнѣ произошелъ переломъ, и я начинаю сильнѣй привязываться къ статейкамъ и разсужденіямъ, чѣмъ къ разсказамъ и образамъ. Не грѣшу ли? Это для меня большой вопросъ, и тѣмъ болѣе опасный, что есть люди, которымъ именно нравится эта сухогалетная моя работа. И они любятъ меня и пишущаго и говорящаго, но все въ тонѣ афоризмовъ и сентенцій до полемики и споровъ съ фарисеями и продадами нашихъ дней. И я боюсь ухнуть въ эту прорву... Мнѣ впадаетъ на мысль и еще одно соображеніе. Вникая въ свою работу съ прямой, не предвзятой искренностью, я сталъ замѣчать въ своихъ писаніяхъ повтореніе уже сказаннаго. Мнѣ кажется только, что хорошо высказать свою старую мысль и еще съ новой стороны, и я сажусь и пишу новую статью или новый разсказъ. И вотъ тутъ-то я вижу разницу въ формѣ. Мысль, выраженная въ образѣ, какъ капля, падающая на камень, въ концѣ концовъ пробиваетъ его. И въ самой каплѣ и въ паденіи ея есть жизнь, игра свѣта, сила, и если капля ловко падаетъ на одно и то же мѣсто, то участь камня предрѣшена. Глыба людского равнодушія и духовнаго оупѣнія продабливается насквозь и устываетъ. Повтореніе же старой мысли, выраженной въ разсужденіи, это — чирканье старымъ ржавымъ гвоздемъ по стеклу. И стекло не разрѣзывается, и гвоздь визжитъ неумолимо и раздражаетъ только ухо. И я понимаю эту враждебность многихъ къ моимъ статьямъ. У нихъ просто звуковая нетерпимость. Мысль, выраженная однажды крѣпко, сильно, хотя бы и въ формѣ разсужденій и призыва, рѣжетъ стекло людскихъ сердецъ, какъ алмазь, тихо, но глубоко, и подъ рукой мастера зазубрины спадаютъ, края обравниваются, и изъ стекла вырѣзывается то, что нужно. Повтореніе же этой мысли въ той же формѣ это уже и есть старый гвоздь, а не алмазь, и оттого онъ только чиркаетъ и визжитъ, а не рѣжетъ и не обравниваетъ. Я самъ это чувствую и не радъ этому. Но мнѣ легче видѣть это, чѣмъ отстать отъ этого. Впрочемъ, какъ бы ни дѣлать и что бы ни дѣлать, лишь бы дѣлать для Него и въ глубокой искренности духа, — все будетъ хорошо, и работа всегда будетъ алмазная. Онъ знаетъ, какъ это устроить.

Книга Милосердія.

Умиралъ старый писатель...

Онъ былъ бѣденъ и одинокъ. Никого не было у него, кромѣ старой служанки. Она спала, и некому было подать умиравшему воды. Ночникъ догоралъ, и по потолку и по стѣнамъ металсь и странно кивали какія-то тѣни. Какъ-будто видѣнія, посланныя смертью, сторожили умиравшаго, подкарауливали его послѣднее дыханіе и торопливо толкали другъ друга, чтобы подойти къ его ложу и прислушаться къ его дыханію и біенію сердца.

Писатель зналъ, что онъ умираетъ. Онъ примирился съ неизбежнымъ концомъ, но съ однимъ не могъ онъ примириться: теперь, на послѣдней ступени его жизни, передъ тѣмъ, какъ навсегда опуститься въ вѣчную тьму, ему казалось, что жизнь была прожита имъ напрасно и бесплодно. Ему казалось, что онъ дѣлалъ въ жизни не то, что нужно было дѣлать, и что дѣло его было незначительное, пустое и не заслуживающее никакого нравственнаго успокоенія. И что его страданія, его одиночество и самая его смерть ничего не оправдываютъ.

— Боже мой,—стоналъ онъ, обращаясь къ Единому, Кто могъ теперь слышать его предсмертные стоны и мольбы:—Боже мой, что дѣлалъ я въ жизни? Я не создалъ ничего величественнаго, ничего мощнаго — ни храма, ни великаго памятника, ни больницы, ни школы, которыя возвышались бы на многочисленныхъ площадяхъ и улицахъ и прославляли Тебя и вложенную Тобою въ мое сердце любовь къ человѣчеству. Я не былъ ни врачомъ, ни учителемъ, ни строителемъ, я не управлялъ ни кораблями ни многочисленными собраніями. Я не произносилъ предъ несмѣтной толпой проповѣдей во имя Твое и во имя любви. Я только сочинялъ книги и печаталъ ихъ. Я придумывалъ сказки и повѣсти, я пѣлъ пѣсни, я изображалъ жизнь, исполненную несовершенствъ и страданій, и оплакивалъ ихъ. И вотъ онѣ стоятъ на полкѣ, написанныя мною книги. И какъ мало ихъ. Онѣ не наполнили бы собою и сумы нищаго. Всю свою любовь, все, что наполняло мое сердце и жгло его, я вложилъ только въ эти малыя книги. Я заточилъ свою душу и сердце въ ихъ тѣсную клѣтку. И въ этомъ — въ этой тѣсной клѣткѣ, въ этихъ пыльныхъ страницахъ — вся моя жизнь. Это все, что я сдѣлалъ въ теченіе моей долгой жизни.

Писатель замолчалъ, задыхаясь. Тѣни на стѣнахъ и потолкѣ запрыгали съ новой силой, словно обрадовавшись, что близится конецъ.

— И это все, все, — снова прохрипѣлъ онъ. — Только этимъ, только этой, погребенной въ темницѣ моихъ книгъ любовью, я и могу прославить имя Твое... Но какой смыслъ въ этой любви? Что добраго создала она? Что она принесла міру? Кто откликнулся на нее? Кто слышалъ меня и взывавшее къ любви мое сердце?

И вспомнилъ писатель свои неудачи, свои неуспѣхи, свою безвѣстность въ литературномъ мірѣ и царившее вокругъ его имени молчаніе. Тѣ, кто знали его, говорили съ сожалѣніемъ: „Неудачникъ“. Другіе говорили: „Онъ не вовремя явился на свѣтъ Божій со своей любовью. Міру теперь нужна ненависть, а не любовь, Дьяволъ, а не Богъ“. Кто читалъ его произведенія, кто откликался на нихъ сердцемъ, кому они были хоть чѣмъ-нибудь милы и дороги — писатель никогда не зналъ этого. Иногда онъ встрѣчалъ своихъ хулителей, но читателей и единомышленниковъ онъ не встрѣчалъ ни разу. Онъ былъ теперь увѣренъ, что ихъ и не бывало.

— Напрасно прожитая жизнь,—стоналъ онъ въ предсмертной тоскѣ. — Нужно было жить иначе. Нужно было любить иначе. Нужно было иначе трудиться. Напрасно, бесплодно жилъ я, и нѣтъ мнѣ спасенія, и нѣтъ оправданія безцѣльной, суетной и тщетной работѣ моей жизни. И одинокимъ умираю я, и не будетъ мнѣ ни утѣшенія, ни свѣта, ни радости.

Ночникъ тоже умиралъ. Пламя въ послѣдній разъ вспыхнуло и освѣтило голубоватымъ сіяніемъ комнату. Тѣни испугались и, путаясь и прячась другъ за друга, побѣжали внизъ и исчезли.

И умирающій съ удивленіемъ замѣтилъ, что голубоватый свѣтъ не тускнѣетъ, не исчезаетъ, но все болѣе и болѣе разрастается. Вотъ уже загорѣлись несказаннымъ свѣтомъ потолокъ и стѣны, вотъ уже разлился такой лучезарный блескъ, въ сравненіи съ которымъ только-что отошедшій тусклый день показался бы непроглядной ночью.

И увидѣлъ умирающій, что тамъ, гдѣ лежали его книги, теперь что-то сіяло ослѣпительнымъ свѣтомъ. Онъ собралъ послѣднія

силы, повернулся туда, взглянулъ и увидѣлъ, что на мѣстѣ его книгъ сіяла громадная свѣтоносная книга, отъ которой разливался блескъ, подобный великому и радостному началу новаго дня...

— Что это такое, и гдѣ я?—спросилъ онъ.

И въ отвѣтъ ему раздался Голосъ:

— Это говорю Я, начертавшій Книгу Милосердія, Я, пишущій отъ начала вѣка слова любви въ человѣческомъ сердцѣ. Вотъ она лежитъ открытая передъ тобою, и на послѣдней ея страницѣ ты прочтешь и имя свое и дѣла свои — дѣла милосердія и блага, потому что все, написанное во имя любви и обращенное къ сердцу человѣческому, есть дѣло любви, милосердія и состраданія.

„И сказано въ Книгѣ Милосердія, и Я повторяю это тебѣ: „О человѣкъ, о живущій, о сотворенный. Я, пришедшій на землю, Я, Богъ твой, возлюбившій тебя, отдавшій тебѣ послѣднюю каплю крови Моей, отдавшій тебѣ все величіе Сына Человѣческаго, — Я оставилъ тебѣ великій завѣтъ: — любовь къ Отцу и къ ближнему твоему. И нѣтъ выше и святѣе завѣта, какъ любовь, и нѣтъ драгоценнѣе и прекраснѣе дара, какъ любовь...“

„И знай же ты, о живущій, о сынъ Мой, что не погибнетъ и не исчезнетъ ничто изъ твоей работы во имя любви. Не напрасна и не бесплодна твоя жизнь, потому что она освящена словами и пѣснопѣніями любви, какъ благоуханнымъ служеніемъ Имени Моему... И словамъ и пѣснопѣніямъ этимъ дана власть вступать въ человѣческое сердце, какъ вступаетъ любимое дитя на порогъ дома его родителей. Ты не видѣлъ и не зналъ, чьи сердца отвѣчали тебѣ, принимая твои слова, но Я видѣлъ это, и Я записалъ это въ Мою книгу. Всѣ твои слова, твои пѣсни, твое сладкозвучное состраданіе и милосердіе къ людямъ записаны въ Мою книгу, и каждая слеза твоя хранится у Меня, какъ любимѣйшій жемчугъ и алмазъ сокровищницы моей.“

„Каждую слезинку твою Я собралъ въ драгоценный сосудъ безграничной памяти Моей... Каждую слезинку, пролитую въ минуту скорби и состраданія къ страдающему брату твоему, Я запечатлѣлъ на небесахъ, Я запомнилъ каждый взглядъ твой, каждый вздохъ твоей любви... На изумрудныхъ скрижаляхъ Моей Книги Милосердія записалъ Я всѣ дѣла твои, всѣ дѣла блага и помощи ближнему твоему... Ты не зналъ, кто былъ спасенъ тобою отъ отчаянія, кто ночью плакалъ надъ твоими словами, а утромъ возставалъ успокоенный и бодрый къ новому труду и новой жизни... А Я зналъ и видѣлъ это — и благословилъ тогда твое доброе дѣло и твою помощь и записалъ ихъ на изумрудную страницу книги Моей...“

„И теперь тебя, плачущаго и страдающаго, Я окружу сътыю милосердія Моего, потому что ты Мнѣ помогъ, Меня утѣшилъ, Мнѣ, неимущему, отдалъ все, что имѣлъ, и на Мою мольбу, на Мою просьбу отозвалось твое чуткое сердце человѣческое...“

„Я сплелъ вокругъ тебя цѣлую сеть путей лучезарныхъ. И Я счелъ дѣянія твои благія и число ихъ сравнялъ съ числомъ лучезарныхъ путей... И теперь, въ минуты печали, унынія и сомнѣнія, когда ты въ безсиліи и отчаяніи поднимаешь глаза свои ко Мнѣ и простираешь къ вѣчному свѣту Моему свои руки — теперь уготовано тебѣ успокоеніе и радость: проложенными тобою свѣтозарными путями придутъ къ тебѣ и покой и счастье. И сколько проложено тобою путей, столько и радостей придетъ къ тебѣ...“

„И знай, что не отъ Меня радости эти и даръ этотъ, но отъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ ты спасъ и утѣшилъ и успокоилъ во Имя Мое и ради завѣщанной Мною любви“...

Наступила тишина.

Великая книга горѣла огненоснымъ сіяніемъ, и свѣтъ ея, казалось, все разрастался. Уже не было ни стѣнъ, ни потолка, ни земного убожества кругомъ. Умиравшій смотрѣлъ восторженнымъ взоромъ туда, откуда къ нему шла Жизнь. И видѣлъ тамъ дивныя сплетенія сверкавшихъ дорогъ. Дороги эти, казалось, исходили изъ его сердца и уходили въ сіяющую высь.

Онѣ были обрамлены чудесными цвѣтами. Онъ всталъ легко и быстро съ своего ложа, какъ поднимается взлетающая птица, и пошелъ туда и узналъ каждый цвѣтокъ. Это были его пѣсни, его слезы, его вдохновенныя слова, заключенныя въ тусклую и сѣрую тюрьму его земныхъ книгъ, какъ самъ онъ былъ заключенъ въ мрачную и сѣрую темницу земной его жизни...

Онъ пошелъ туда вверхъ — а навстрѣчу ему проложенными имъ свѣтлыми путями снизошли счастье, покой и радость.

Рѣзка желѣза кислородомъ.

(Съ 3 рис. на этой стр.).

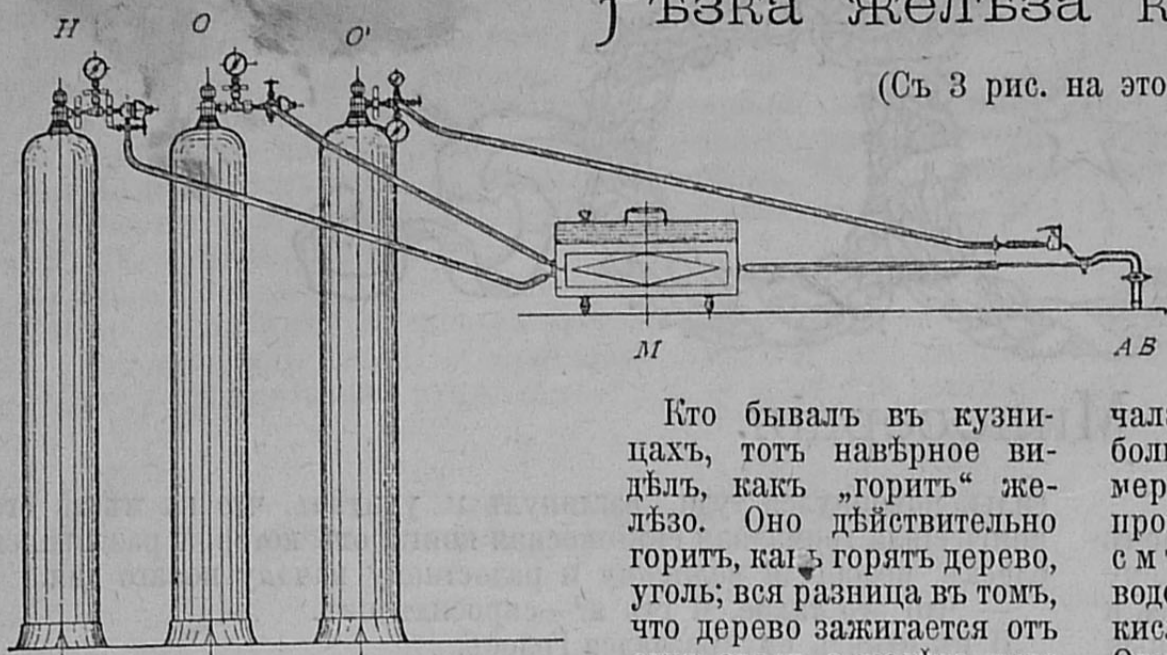

Рис. 1. Схематическій рисунокъ, представляющій устройство для пережиганія желѣза кислородомъ.

окружающаго воздуха, превращаясь въ окисель желѣза, получившій отъ кузнецовъ очень мѣткое названіе окалины. Такое свойство желѣза естественно могло породить мысль рѣзать его на части посредствомъ прожиганія насквозь, подобно тому, какъ можно, напр., перерѣзать бревно или доску раскаленной проволокой.

Эта мысль въ послѣдніе годы была осуществлена и теперь примѣняется всюду на заводахъ.

Употребляемый для этого приемъ въ своей основной сути очень простъ. На подлежащее разрѣзкѣ мѣсто желѣзной полосы, т.-е. на самую линію разрѣза, направляютъ струю горячаго гремучаго газа, который очень быстро раскаляетъ это мѣсто добѣла. А когда желѣзо раскалится, на раскаленное мѣсто направляютъ струю кислорода; желѣзо загорается—и раскаленное мѣсто прого-

чала въ небольшую камеру М, гдѣ происходитъ смѣшеніе водорода съ кислородомъ. Отсюда идетъ уже одна трубка, проводящая гремучій газъ къ тому мѣсту (А), гдѣ газъ работаетъ. Третьей газометръ О' содержитъ кислородъ, который по особой трубѣ направляется къ тому же мѣсту дѣйствія и здѣсь выпускается черезъ наконечникъ В. Ходъ работы при перерѣзаніи желѣза понятенъ изъ этой схемы. Желѣзо сначала раскаляется пламенемъ гремучей смѣси, притекающей черезъ трубку А, а когда оно раскалится, его пережигаютъ кислородомъ изъ трубки В.

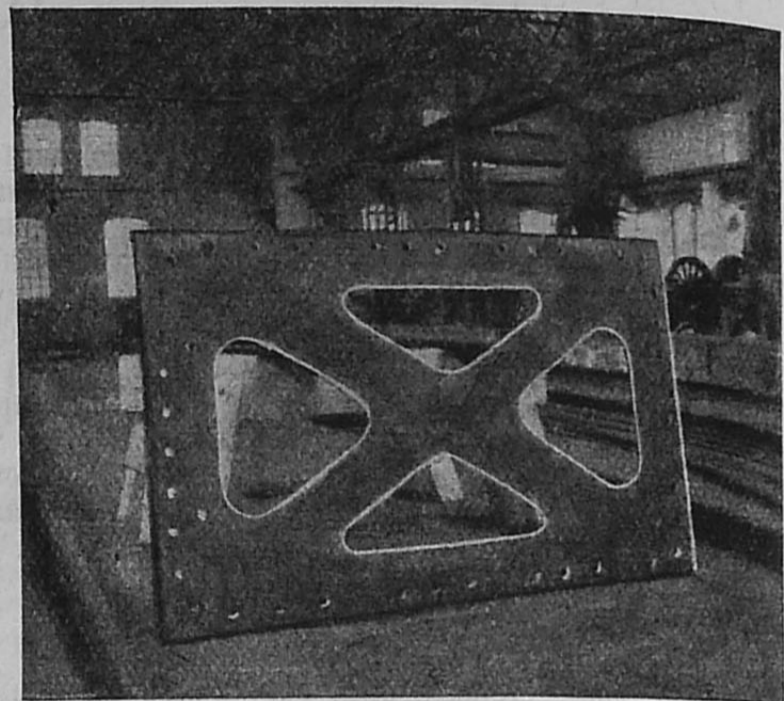

Рис. 3. Выпиливаніе въ желѣзныхъ пластинахъ сквозныхъ выемокъ.

На рисунокѣ 2 представлено приспособленіе для разрѣзанія огнемъ желѣзныхъ плитъ. Въ G находится камера для смѣшенія газовъ водорода и кислорода, подводимыхъ сюда по трубкамъ изъ газометровъ. Гремучій газъ выходитъ черезъ наконечникъ В и раскаляетъ плиту на линіи разрѣза; потомъ открываютъ наконечникъ А, черезъ который протекаетъ кислородъ, сжигающій желѣзо.

По мѣрѣ прожиганія желѣза, вся эта система (G. А. В.) движется плавно и медленно по винту Е, постепенно пережигая полосу металла по назначенной линіи разрѣза.

О томъ, что можетъ быть совершено съ помощью подобнаго приспособленія для пользованія гремучимъ газомъ и кислородомъ, можетъ дать понятіе рисунокъ 3. Здѣсь представлена громадная пластина желѣза, на которой такимъ газовымъ калильникомъ вырѣзано четыре гнѣзда. Теперь на крупныхъ желѣзныхъ заводахъ гремучимъ газомъ, замѣнившимъ всякія прежнія пилы и рѣзакі, перерѣзаютъ громадные куски и пластины желѣза, даже такія несокрушимыя, какъ, напр., панцири, изъ которыхъ складываются стѣнки броненосныхъ судовъ.

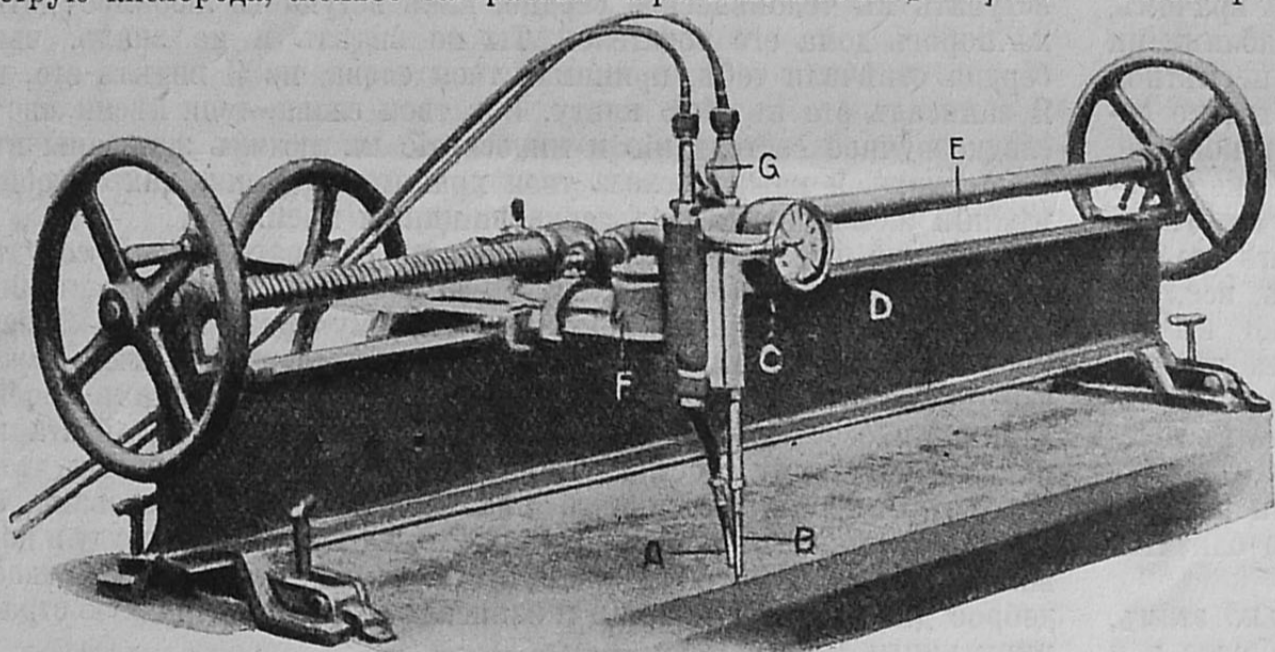

Рис. 2. Снарядъ для разрѣзанія, посредствомъ пережиганія, желѣзныхъ пластинъ.

раетъ насквозь, какъ прогорѣло бы дерево, если бъ на него направить тонкое, острое пламя. Само собою разумѣется, что такимъ же путемъ можно спаять два куска желѣза, разогрѣвъ ихъ концы пламенемъ гремучаго газа, а потомъ сблизивъ ихъ.

лѣзныхъ заводахъ гремучимъ газомъ, замѣнившимъ всякія прежнія пилы и рѣзакі, перерѣзаютъ громадные куски и пластины желѣза, даже такія несокрушимыя, какъ, напр., панцири, изъ которыхъ складываются стѣнки броненосныхъ судовъ.

Тебѣ—вся жизнь, пустынная свобода!
Дышу опять холодной мглой долинъ.
И не страшны неволя и невзгода
Земной любви и дружбы. Я одинъ.

Душѣ поетъ ночная непогода.
Блуждасть дождь. И шелестомъ вершинъ,
Какъ сномъ, полна увядшая природа,
И снова полнъ я счастьемъ. Я одинъ.

Баюкай, полночь, гулкимъ увяданьемъ,
Глухой тоской порыва своего,—
Душа полна могучимъ ожиданьемъ!

Умчались дни.. Минувшее мертво.
И праздную я съ позднимъ упованьемъ
Послѣднее, земное торжество!

Яковъ Годинъ.

Въ старой Москвѣ.

(Окончаніе).

Большое оживленіе въ уличную жизнь старой Москвы вносила торговля. Многочисленные разносчики и торговки наполняли улицу и дворы своими криками. Въ нѣкоторыхъ частяхъ города они выстраивались длинными рядами и оглушали прохожихъ своеобразномъ концертомъ... Но наиболѣе характерными для тогдашней Москвы были магазины и лавки въ гостиномъ дворѣ.

Старый московскій гостиный дворъ представлялъ собою картину, исполненную живой и кипучей дѣятельности. Ночью вся эта часть, запертая со всѣхъ сторонъ, словно громадный сундукъ съ драгоценностями, охранялась злыми цѣпными псами и сторожами. Но лишь только занималась заря, какъ вся эта безлюдная мѣстность вдругъ оживала и закипала движеніемъ. Повсюду тянулись длинные возы отъ Урала, Крыма, Кавказа. Здѣсь разгружали, тамъ накладывали возы, всюду сновали артельщики. Въ лавки сносились и скатывались тюки, корога, мѣшки, бочки.

Длинные, полутемные и извиленные ряды были построены безъ плана, и въ нихъ легко было заблудиться. Товары бросались въ глаза своей пестротой и неожиданными сочетаніями. Рядомъ съ ювелирной лавкой можно было встрѣтить лавку тряпичника или рогожника. Кромѣ главныхъ магазиновъ и лавокъ, по линиямъ тянулись многочисленные шкапчики; нижняя часть ихъ служила прилавкомъ, а въ верхней части были выставлены затѣйливые товары, о которыхъ кричали во все горло продавцы: „Ленты, шпильки, булавки, Самохотовъ бальзамъ, перчатки... Пожалуйте... У насъ покупали“. Имъ вторили болѣе степенные голоса изъ магазиновъ: „Почтенный господинъ, что покупаете? У насъ фундаментальныя шляпы, обстоятельныя лакейскія шинели, солидные браслеты, нарядные сапоги, сентиментальныя колечки, помочи, презентабельныя ленты, субтильные хомуты, разныя авантажныя галантерейныя вещи, сыръ голландскій, мыло казанское, капли гарлемскія...“

Часто такіе выкрики заглушаются неистовымъ воплемъ разносчика, который идетъ вдоль рядовъ и предлагаетъ жареную баранину, или бычьи почки, или гречневика... А гдѣ-нибудь поблизости непременно расположился со своимъ ларькомъ квасникъ съ шипучимъ національнымъ напиткомъ, который французы прозвали потомъ во время нашествія „свиннымъ лимонадомъ“. Или же сбитенникъ съ дымящимся душистымъ сбитнемъ и сайками. Все это отцы-благодѣтели всего гостиного двора: они поятъ и кормятъ его многочисленное населеніе во время трудового дня... А среди всѣхъ этихъ разносчиковъ и кочующихъ торговцевъ нѣтъ-нѣтъ и покажется своеобразная фигура „старца“, торгующаго свѣтильнями для лампадокъ или душистыми „монашками“.

Близъ рядовъ, на Спасскомъ мосту, въ старое время торговали книгами. Здѣсь нѣкогда началъ торговлю древними книгами и рукописями первый русскій букинистъ—Игнатій Өерапонтовъ. Близъ Казанскаго собора, между маклерскими конторами, прежде былъ главный входъ въ Управу Благочинія. На этомъ мѣстѣ въ 1812 году раздавались знаменитыя афишки Ростопчина, возбуждавшія въ народѣ ненависть къ французамъ. А самая ограда Казанскаго собора служила мѣстомъ выставки лубочныхъ картинъ. Въ годъ нашествія здѣсь выставлялись карикатуры на Наполеона и французовъ знаменитыхъ тогдашнихъ каррикатуристовъ Терebeneва и Яковлева.

Ближе къ Иверскимъ воротамъ, во дворѣ губернскаго правленія, помѣщалось страшное для купцовъ мѣсто — знаменитая „яма“. Это мѣсто теперь занято новымъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ.

„Яма“ играла внушительную роль въ жизни тогдашняго купечества. Это была долговая тюрьма, въ которую сажали неисправныхъ должниковъ. Передъ тѣмъ, какъ попасть въ „яму“, купецъ скрывался. Его всюду искали, ѣздили и за городъ и въ городъ по церквамъ за ранними обѣднями. Накрывали его, обыкновенно въ пьяномъ видѣ, въ трактирѣ или на улицѣ. Въ „яму“ его вель—обычно вечеромъ—квартирный надзиратель. Шли они на благородной дистанціи другъ отъ друга, при чемъ купецъ норовилъ подпускать квартирнаго не ближе, какъ на пистолетный выстрѣлъ. Но у воротъ „ямы“ представитель полиціи быстро достигалъ купца и сдавалъ его здѣсь по назначенію. „Яма“ пользовалась у москвичей большою популярностью и сюда часто приходили любопытные. Иногда приносили подаваніе—чаще всего каша, иногда приходили просто поглазѣть. Купчихи приходили сюда „поплакать“. По праздникамъ у воротъ „ямы“ устраивалось цѣлое гулянье, и здѣсь можно было найти у разносчиковъ всѣ новинки сезона: свѣжіе огурцы, ягоды, фрукты. Все это появлялась прежде всего у „ямы“.

Не менѣе любопытное въ смыслѣ тогдашнихъ нравовъ мѣсто представлялъ собою Кузнецкій мостъ. Въ началѣ XIX столѣтія эта улица (моста на ней и тогда уже никакого не было) была одною изъ самыхъ аристократическихъ, какъ и въ наши дни. Здѣсь находились лучшіе магазины, книжныя лавки, гостиницы. Съ утра и до вечера здѣсь сновала толпа модниковъ и модницъ и разѣзжали великолѣпные экипажи. Но самое любопытное зрѣлище Кузнецкій мостъ представлялъ рано утромъ въ опредѣленные дни: тогда здѣсь происходили забавныя сцены полицей-

скаго карательнаго правосудія. Нарядныя барышни въ шляпкахъ и франты въ модныхъ пальто и „циммерманахъ“ на головахъ мели улицу подъ надзоромъ городскихъ и дворниковъ. Это было наказаніе за проступки противъ общественнаго благочинія и за пьянство въ публичномъ мѣстѣ. Смотрѣть этихъ необычныхъ метельщиковъ являлось не мало зрителей.

Что касается зрѣлищъ и увеселеній, то въ тѣ времена въ Москвѣ было много и того и другого. Кромѣ театровъ, которыхъ въ Москвѣ было тогда около тридцати (считая съ окрестностями города), москвичи усердно посѣщали народныя гулянья въ Сокольникахъ, подъ Новинскимъ и въ другихъ мѣстахъ, смотрѣли фокусниковъ, собачьи комедіи и балаганныя дѣйства. Центромъ (или, вѣрнѣе, нѣсколькими центрами) каждаго такого гулянья былъ большой шатеръ, слывшій подъ названіемъ „колокола“. Верхъ его украшался флагомъ и зеленою елкою. Внутри „колокола“ стояли бочки съ питіями. Это былъ, попросту говоря, кабакъ. Рѣдко кто изъ гулявшихъ проходилъ мимо этого гостепріимнаго учрежденія. Пили обыкновенно, „плошкой“ или „крючкомъ“,—такъ называлась наиболѣе употребительная питейная посуда. Въ старое время вмѣсто „на водку“ просили на „крючокъ“.

Трудно перечислить всѣ тѣ роды увеселеній, которыя предлагались на этихъ гуляньяхъ публикѣ (слѣдуетъ кстати замѣтить, что въ то время народныя гулянья охотно посѣщались и представителями высшихъ сословій). Можно было найги здѣсь и медвѣдя съ козою, и тверскихъ мужиковъ, которые свистали по-соловьиному, и итальянскихъ „двухаршинныхъ куколъ“, которыми показывалась комедія о „докторѣ Фаветѣ“, и „живую голову, которая движется столь натурально, что устрашаетъ зрителей“ и т. п.

Въ высокосторжественные дни вся Москва озарялась иллюминаціонными огнями и фейерверочными потѣхами. Въ доброе старое время этотъ родъ увеселеній пользовался гораздо большей любовью, чѣмъ въ наши дни, и сами по себѣ всѣ эти огненные зрѣлища устраивались чрезвычайно роскошно. По словамъ современника, въ одинъ изъ такихъ иллюминаціонныхъ вечеровъ „вся Москва пылала огнями. На выстроенныхъ триумфальныхъ воротахъ горѣли разныя щиты. На одномъ былъ представленъ геліотропъ (цвѣтъ, подобный солнцу), а подъ нимъ гора—съ надписью „Отъ всего міра видима буду“. На другомъ видѣлся мечъ съ надписью „Законъ управляетъ, мечъ защищаетъ“. На иныхъ щитахъ и порталахъ была изображена радуга—предвѣстіе вѣдра, и всюду видѣлись крылатые „геніи“ и „славы“, возглашавшіе „поздравленіе“ въ свои огненные трубы.

Мѣстомъ обыкновеннаго, будничнаго гулянья въ Москвѣ того времени служилъ преимущественно Тверской бульваръ, на которомъ можно было видѣть весь цвѣтъ тогдашняго общества и представителей слоевъ всего московскаго населенія, которое гуляло на бульварѣ, узнавало и передавало новости, любезничало и сплетничало. Такимъ же популярнымъ мѣстомъ прогулокъ служили Прѣсенскіе пруды. Какъ на Тверскомъ бульварѣ, такъ и здѣсь, можно было встрѣтить всѣхъ тогдашнихъ московскихъ волокитъ-петиметровъ. Эти франты являлись на прогулку во фракахъ съ длинными и узкими фалдами, въ жилетахъ изъ розоваго атласа. Сапоги у нихъ были съ кисточками, громадные галстуки закрывали весь подбородокъ. Эти галстуки были въ нѣсколько аршинъ длиною, и ихъ надо было до двадцати разъ обматывать вокругъ шеи. Франты носили множество драгоценныхъ вещицъ: перстней, булавокъ, запонокъ и непременно двое часовъ съ цѣпочками и брелоками, которыми необходимо нужно было побрякивать. Записной, настоящей петиметръ долженъ былъ бѣлиться и румяниться. Наиболѣе изысканные носили собольи муфты, называвшіяся тогда „маньками“.

Прибавимъ къ этому множество военныхъ въ ихъ воинственно-красивыхъ формахъ того времени, въ высокихъ киверахъ и длинныхъ бѣлыхъ лосинахъ, съ воинственно-небрежными прическами. Вспомнимъ также и о прекрасномъ полѣ, который носилъ громадныя шляпы съ перьями и смѣшные чепчики съ блондами и рюшами и бѣлыя платья съ короткой таліей—и предъ нами возстанетъ красивая и красочная картина тогдашняго московскаго гулянья гдѣ-нибудь на Тверскомъ бульварѣ, въ Сокольникахъ, или на Прѣснѣ...

Однимъ изъ любимыхъ мѣстъ гулянья были также и гостиные ряды, въ особенности въ екатерининскія времена, когда Кузнецкій мостъ еще не былъ въ модѣ. На Ильинкѣ около лавокъ въ зимнее время бывали самыя модныя гулянья всей московской аристократіи. Волкиты назначали тамъ свиданія предметамъ своихъ вздоховъ... Купцы были этимъ крайне недовольны и жаловались на гуляющихъ начальству, говоря, что „петиметры и амурчики только галантоняютъ“ и мѣшаютъ торговать...

О томъ, какъ жили въ своемъ частномъ, домашнемъ быту тогдашніе москвичи болѣе высокаго полета, говоритъ Л. Н. Толстой, описывая житье-бытье Ростовыхъ. Пробѣгая страницы знаменитаго романа, воочию видишь предъ собой богатый дворянскій домъ, биткомъ набитый прислугой, казачками для посылокъ, „барекими барынями“, приживалками, учителями... Домъ, который живетъ и

питаются деревней, получая изъ нея цѣлые обозы всякой живности и засаленныя ассигнаціи оброковъ. Здѣсь живутъ и старинными вѣковыми обычаями и интересами современности. Культурность—и внѣшняя и внутренняя—уже проникла сюда и создаетъ поэтически-красивую обстановку стариннаго добропорядочнаго житія и прелестные типы подрастающей молодежи...

Но многіе изъ тогдашнихъ москвичей—даже и изъ представителей высшаго сословія—жили совсѣмъ иначе. Вотъ какую картину рисуетъ Батюшковъ въ упомянутомъ выше сочиненіи:

„Большой дворъ, заваленный соромъ и дровами. Позади—огородъ съ простыми овощами, а подъ домомъ—большой подъѣздъ съ перилами, какъ водилось у нашихъ дѣдовъ. Войдя въ домъ, мы

москвича, богомольнаго князя, который помнитъ страхъ Божій и воеводство“...

Несравненно проще, бѣднѣе и грязнѣе жили мелкопомѣстные московскіе дворянчики и мѣщане. Дома у нихъ состояли по большей части изъ двухъ связей съ сѣнями посрединѣ, т.-е. представляли собою простыя избы, и были крыты снопами соломы или тростникомъ. У иныхъ были домики попросторнѣе, но построенные кое-какъ, безъ всякаго плана, безъ соблюденія законовъ симметріи. Окна были раздѣлены неплѣвыми и уродливыми простѣнками, а надъ крышей торчала безобразно кривая и широкая труба, которую крыли только по праздникамъ известью. Печи были дурно складены и давали постоянный угаръ, такъ что

Къ Бородинскимъ торжествамъ въ Москвѣ. Высочайшій выходъ въ Кремль. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ на Красномъ крыльцѣ.

могли бы увидать въ прихожей слугъ, оборванныхъ, грубыхъ и пьяныхъ, которые съ утра до ночи играютъ въ карты. Комнаты безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, на одной стѣнѣ большіе портреты въ ростъ царей русскихъ, а напротивъ—Юдишь, держащая окровавленную голову Олоферна надъ большимъ серебрянымъ блюдомъ, и обнаженная Клеопатра съ большой змѣей—чудесныя произведенія кисти домашняго маляра. Сквозь окна мы можемъ видѣть столъ, на которомъ стоятъ щи, каша въ горшкахъ, грибы и бутылки съ квасомъ. Хозяинъ въ тулупѣ, хозяйка въ салопѣ, по правую сторону—приходскій попъ, приходскій учитель и шутъ, а по лѣвую—толпа дѣтей, старуха-колдунья, мадамъ и гувернеръ изъ нѣмцевъ. О, это домъ стариннаго

обитатели такого дома рѣдкій день не ходили съ обвязанными головами... Нѣкоторыя изъ печей были складены изъ старинныхъ изразцовъ, привезенныхъ еще при Петрѣ изъ Голландіи (почему и печи стали называться голландскими). На изразцахъ изображались мифологическіе сюжеты: „Купидо обуздываетъ льва“, или „Купидо льва сочиняетъ агнцемъ“...

Стѣны такого дома изнутри украшались нѣмецкими гравюрами. Въ большой модѣ было держать разныхъ птицъ и мелкихъ звѣрей—бѣлокъ, хорьковъ, или же ихъ чучела.

Предъ домомъ густо росли березки и ивнякъ. Эта поросль считалась надежной охраной отъ сильныхъ вѣтровъ и мятелей. Подъ ихъ защитой не такъ скоро выдувало тепло изъ дома. Въ зимнее

время, впрочем, часть комнат (обычно парадных комнат) совсѣмъ не отапливалась и не была обитаема...

Но среди этихъ болѣе или менѣе скромныхъ представителей старой Москвы встрѣчались пышные магнаты съ своеобразнымъ укладомъ жизни, о которомъ теперь нельзя составить и понятія. Въ тѣ времена эти господа прїѣзжали въ Москву обычно уже на покой, послѣ шумно проведенной петербургской карьеры. Въ Москву же прїѣзжали и провинціальныя магнаты—отдыхать и увеселяться послѣ широкаго грабительства и „трудовъ праведныхъ“... Жизнь этихъ москвичей носила характеръ непрерывнаго праздника, участіе въ которомъ принимали всѣ—и званые и незваные, встрѣчный и поперечный...

„Здѣсь мы видимъ тѣни великихъ людей, — говоритъ Батюшковъ: — которые, отыгравъ важныя роли въ свѣтѣ, за-

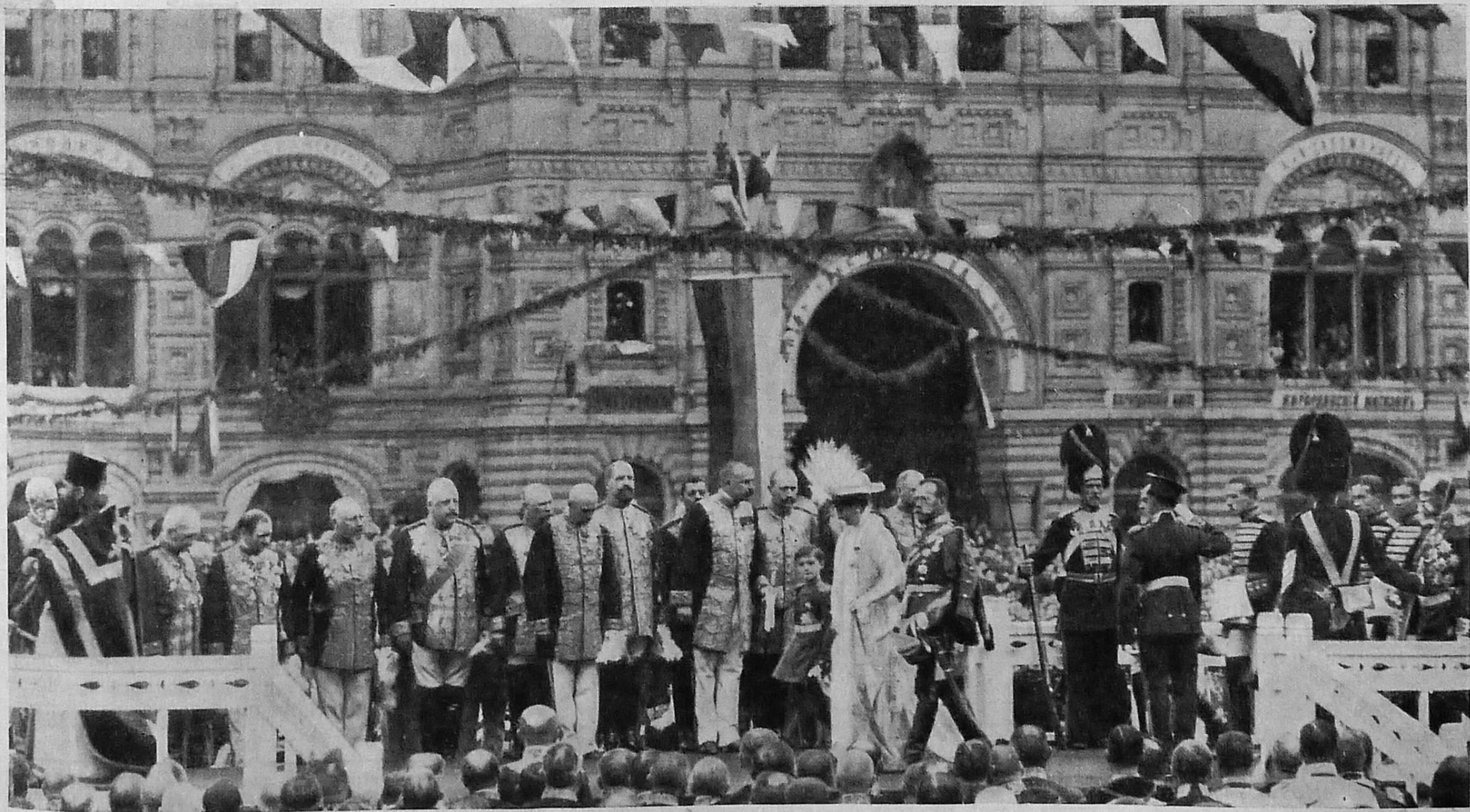

Кутузовская походная церковь на Бородинскомъ полѣ.

Высочайшій смотръ дѣтямъ въ Москвѣ.

просто прогуливаются въ Москвѣ... Здѣсь предъ нами огромныя палаты съ высокими мраморными столбами, съ большимъ подъѣздомъ. Этотъ домъ открытъ для всякаго... Хозяинъ цѣлый день зѣваетъ у камина, между тѣмъ какъ вокругъ него все въ движеніи. Роговая музыка гремитъ на хорахъ, вся челядь въ галунахъ, и роскошь опрокинула на столъ полный рогъ изобилія. Въ этомъ человекѣ всѣ страсти исчезли, его сердце и умъ и душа износились и обветшали“.

Ихъ Императорскія Величества слѣдуютъ за крестнымъ ходомъ изъ Успенскаго собора на Красную площадь въ Москвѣ.

Бородинскія торжества на Бородинскомъ полѣ и въ Москвѣ.

Таковы были картины и типы той Москвы, которая встрѣтила наше гостество французовъ и которая ушла отъ этихъ незваныхъ гостей, предоставивъ имъ грабить брошенное добро и погибать отъ холода и голода... Эта Москва Ростовыхъ, Трубецкихъ и Болконскихъ, военныхъ въ высокихъ воротникахъ и растрепанныхъ прическахъ, приказныхъ съ зализанными височками и купцовъ въ длинныхъ сюртукахъ отжила свой вѣкъ въ ту страшную годину, когда въ нее вторглась толпа чужеземцевъ, невѣдомо зачѣмъ явившихся сюда подъ начальствомъ геніальнаго авантюриста... Эта Москва навсегда исчезла и осталась только въ старинныхъ гравюрахъ, въ повѣстяхъ Ростопчина и въ романѣ Загоскина „Рославлевъ“. Но вспомнить и возсоздать ее въ своемъ воображеніи—интересно и поучительно, потому что такимъ путемъ мы яснѣе представляемъ себѣ всю обстановку и характеръ великой эпохи двѣнадцатаго года.

Англо-американскій конфликтъ.

(Политическое обозрѣніе).

Гигантскій ростъ культуры, развитіе торговли и промышленности, тѣснѣйшее экономическое единеніе между народами, волшебные успѣхи техники путей сообщенія, побѣждающее пространство, дѣлающее далекое близкимъ и чуждое роднымъ, — все это должно вести къ уничтоженію всякой обособленности и къ царству мирнаго братства народовъ. Съ такими же розовыми мечтами относилось большинство публицистовъ и къ предстоящему открытію Панамскаго канала. Промышленный геній потомковъ Франклина и Вашингтона разорвалъ, преодолѣлъ невѣроятнѣйшія техническія трудности, передъ которыми отступила энергія Лессепса, разорвалъ горную цѣпь, сковывавшую Сѣверную Америку съ Южной, и соединилъ два океана. Прорытіе канала не только въ десятки разъ укоротило морское сообщеніе западной части материка съ восточной, но во много разъ приблизило оба берега къ Европѣ и Азій. Оно должно было привести къ значительному удешевленію фрахтовъ, къ удешевленію европейско-азиатскихъ продуктовъ въ Америкѣ и американскихъ въ Европѣ и Азій, еще тѣснѣе экономически и духовно слить старый свѣтъ съ новымъ. Но, къ величайшему сожалѣнію, пока скорбная дѣйствительность не оправдала радужныхъ ожиданій. Еще Панамскій каналъ не открытъ, а вопросъ объ условіяхъ плаванія по немъ уже сдѣлался яблокомъ раздора между Англійей и Америкой. Въмѣсто того, чтобы вести къ упроченію братства народовъ, онъ послужилъ поводомъ возрастающей вражды даже между народами, дѣйствительно связанными другъ съ другомъ узами кровнаго братства.

Такое грандіозное предпріятіе, затрагивающее хозяйственные интересы всѣхъ странъ и народовъ, по существу своему, разумѣется, должно быть международнымъ. Еще раньше, чѣмъ приступить къ прорытію канала, Америка заключила съ Англійей особъ договоръ, регулирующий условія пользованія каналомъ. По договору 5 ноября 1901 г., Панамскій каналъ долженъ быть свободенъ и открытъ для торговыхъ и военныхъ судовъ всѣхъ національностей, если они будутъ соблюдать установленныя правила. Условія прохода судовъ черезъ каналъ и сборы, взыскиваемые за этотъ проходъ, должны быть равными для всѣхъ.

Но обязательства, принятыя національнымъ правительствомъ передъ Европой, нисколько не помѣшали американскому конгрессу обсудить и принять новый законопроектъ о пользованіи Панамскимъ каналомъ, кореннымъ образомъ нарушающій гарантированную прежнимъ договоромъ свободу плаванія и устанавливающій въ ущербъ остальнымъ государствамъ особыя привилегіи для американскихъ судовъ. Новый законъ запрещаетъ судамъ, владѣльцы которыхъ входятъ въ ассоціаціи съ желѣзнодорожными компаніями и поддерживаютъ каботажное плаваніе между портами Соединенныхъ Штатовъ, пользоваться каналомъ. Во-вторыхъ, онъ предполагаетъ освободить отъ платы пошлины всѣ военныя американскія суда, могущія въ случаѣ надобности перейти въ распоряженіе американскаго правительства. Въ-третьихъ, освобождаетъ отъ уплаты всякихъ сборовъ за проходъ по каналу американскія каботажныя суда.

Постановленіями конгресса совершенно уничтожается международный характеръ канала, и послѣдній превращается въ чисто домашнее американское предпріятіе. Особенно неблагоприятно отразится онъ на судоходствѣ и промышленности Канады, которая останется при старыхъ способахъ сообщенія и вынуждена будетъ конкурировать съ С. Штатами при далеко не равныхъ условіяхъ. Та выдающаяся и руководящая роль, какую играетъ теперь Канада въ имперскомъ совѣтѣ Англійи, не позволяетъ Сень-Джемскому кабинету мириться съ безцеремонностью американскаго правительства. Одно время возникла надежда, что президентъ Тафтъ не утвердитъ законопроекта, принятаго конгрессомъ, тѣмъ болѣе, что раньше онъ открыто высказывался противъ за-

конопроекта, но расчеты избирательной политики въ борьбѣ съ Рузвельтомъ побудили его накануне выборовъ президента предпочесть столкновеніе съ Англійей столкновенію со своимъ народомъ. Англія не замедлила предъявить черезъ своего посланника въ Вашингтонѣ официальный протестъ противъ новаго закона и несомнѣнно найдетъ въ немъ поддержку со стороны всѣхъ европейскихъ державъ, Японіи и своихъ собственныхъ колоній. Такъ неожиданно возникшій панамскій вопросъ можетъ получить большое мировое значеніе. Пока С. Штаты безцеремонно расправлялись съ Мексикой и маленькой Колумбіей, имъ все сходило съ рукъ, но по отношенію ко всей Европѣ такая политика едва ли можетъ дать сколько-нибудь благотворные результаты. Слишкомъ развязное отношеніе къ своимъ международнымъ обязательствамъ вызываетъ общее негодованіе и обрекаетъ Америку на полную моральную изолированность. Вся европейская печать единодушно повторяетъ, что политика С. Штатовъ отличается такою же строгою честностью, какъ и поведение нью-йоркской полиціи. Преслѣдуя исключительно свои собственные торговые-промышленные интересы, они не хотятъ считаться съ чужими и нисколько не сообразуются съ требованіями нравственности и отвлеченнаго права. Забывая свои вчерашнія заявленія, Тафтъ, въ угоду толпѣ, хладнокровно увѣряетъ въ послѣднемъ посланіи конгрессу, что принятый законопроектъ не находится въ противорѣчій ни съ какими трактатами. Америка энергично отстаиваетъ принципъ „открытыхъ дверей“ въ чужихъ домахъ, но подъ предлогомъ расширенной доктрины Монро рѣшительно захлопываетъ двери передъ носомъ Европы у себя дома и вмѣсто свободы торговли и равенства конкуренціи создаетъ совершенно исключительныя привилегіи для американскаго капитала. Уже и теперь англійскія, японскія и канадскія желѣзнодорожныя и навигаціонныя компаніи терпятъ отъ новаго закона многомилліонные убытки и отказываются отъ выполнения контрактовъ, ставшихъ невыполнимыми. Бурное негодованіе, охватившее Канаду, распространяется на всю Англійю и содѣйствуетъ ея духовно-политическому сличенію съ колоніями. Канада отдаетъ свой строящійся броненосный флотъ въ распоряженіе метрополіи, и по ея слѣдамъ идутъ другія колоніи—Австралія, Ново-Зеландія и Южная Африка. Они уже не стремятся къ сближенію съ Америкой и настойчиво требуютъ по отношенію къ ней самой рѣшительной политики. Панамскій споръ можетъ окончиться очень плохо для сторонниковъ внѣморальной политики, такъ какъ въ концѣ концовъ въ случаѣ дальнѣйшаго обостренія конфликта передъ единодушнымъ требованіемъ всѣхъ государствъ и всѣхъ частей свѣта американцамъ все-таки придется отступить.

Къ рисункамъ.

Въ прежнее время псовая охота считалась у насъ и на Западѣ однимъ изъ изысканнѣйшихъ помѣщичьихъ удовольствій. Встрѣчались любители, у которыхъ имѣлись цѣлыя сотни собакъ, дрессированныхъ для массовой гончей охоты по звѣрю. Всѣ эти „густо псовые, муругіе, вислоухіе“ псы, такъ картинно описанные въ „Мертвыхъ душахъ“ и въ охотничьихъ разсказахъ Тургенева, цѣлыми сворами летали по полямъ дугамъ и перелѣскамъ съ дикимъ лаемъ и воемъ и гоняли зайцевъ, а иногда и волковъ. Въ старинной Франціи подвластное феодалу населеніе не имѣло права устраивать на поляхъ заборы и ограды, чтобы не препятствовать псовой охотѣ барина. Даже самое обладаніе охотничьими собаками составляло одну изъ важныхъ привилегій помѣщика. Крестьяне имѣли право держать только сторожевыхъ псовъ и могли водить ихъ съ собой не иначе, какъ на веревкѣ, чтобы они какъ-нибудь ненарокомъ не вырвались и не распугали на окрестномъ полѣ или въ лѣсу барекую дичь...

Эффектная картина Э. Дуаньо „Свора“ изображаетъ одну изъ такихъ собачьихъ армій, управляемую бравымъ доѣзжачимъ...

Картины И. Владимірова („Наполеонъ на Поклонной горѣ“) и В. Мазуровскаго („Пожаръ Москвы“) изображаютъ хорошо знакомые намъ эпизоды изъ великой эпопеи двѣнадцатаго года:

«Напрасно ждалъ Наполеонъ
Москвы колынопреклоненной...
Не праздникъ, не побѣдный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою...»

Вся эта наполеоновская эпопея представляетъ собою не что иное, какъ грандіозное *шествіе Смерти*, символически изображенное на картинѣ Г. Шпангенберга. Смерть идетъ по широкой дорогѣ и звонитъ въ колоколъ, и къ ней стекаются люди всѣхъ возрастовъ и званій. И старики, и юноши, и маленькія дѣти съ вѣнками на кудрявыхъ головкахъ. Молодой воинъ присоединяется къ шествію смерти и прощается со своей возлюбленной. И нѣтъ конца этой страшной процессіи, увлекающей всѣхъ и каждого къ темной безвѣстности и къ холоду могилы...

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Тайна. Разсказъ Н. Олигера. (Продолженіе).—Аполлонъ Бельведерскій. Повѣсть минувшихъ лѣтъ. Н. Н. Брешко-Брешковскаго. (Продолженіе).—Л. Н. Толстой о „Войнѣ и Мирѣ“. И. Тенеромо.—Книга Милосердія. М. А. Н.—Рѣзка желѣза кислородомъ. (3 рис.).—Свобода. Стихотвореніе Якова Година.—Въ старой Москвѣ. (Окончаніе).—Англо-американскій конфликтъ. (Политическое обозрѣніе).—Къ рисункамъ.—Объявленія.
РИСУНКИ: Свора.—Наполеонъ на Поклонной горѣ.—Шествіе Смерти.—Пожаръ Москвы (1812 г.).—Памятники на Бородинскомъ полѣ (18 рис.).—Бородинскія торжества на Бородинскомъ полѣ и въ Москвѣ (4 рис.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 15.

УВЕЛИЧИВАЙТЕ СВОИ ДОХОДЫ! КАЖДЫЙ САМЪ СЕБЯ ХОЗЯИНЪ!

Многіе зарабатываютъ 50 руб. и больше въ мѣсяцъ, Вы можете достигнуть того же.
 Многіе имѣютъ регулярный доходъ, почему бы и Вамъ не получить его, у Васъ есть для этого полная возможность.
 Какъ часто у Васъ являлось желаніе имѣть свое собственное дѣло, быть независимымъ отъ хозяина, избавиться отъ утомительнаго ежедневнаго хожденія на службу и со службы, хорошо зная, что въ концѣ мѣсяца получите вознагражденіе, которое далеко не по достоинству оцѣниваетъ Васъ трудъ.

Стоны и вопли негодованія тружениковъ, получающихъ гроши, слышны повсюду, и въ настоящее время больше чѣмъ когда-либо замѣтно лихорадочное стремленіе къ улучшенію жизненныхъ условий.
И ХОРОШО, ЧТО ЕСТЬ ЕЩЕ ИСХОДЪ!

Мы очень рады, что можемъ указать Вамъ тотъ новый путь, который привелъ уже тысячи тружениковъ, раньше удрученныхъ тѣми же заботами, что и Вы, къ иной лучшей жизни.

Воспользуйтесь сейчасъ же предоставляющимся удобнымъ случаемъ и не упускайте его. Мы не обѣщаемъ необычнаго, но съ увѣренностью говоримъ о томъ, что при среднемъ уровнѣ способностей и желаніи заниматься легкой и интересной работой, Вы можете создать себѣ независимое положеніе и имѣть постоянный вѣрный доходъ.

Мы не увлекаемъ на путь иллюзій, а говоримъ только о томъ, что ежедневно подтверждается фактами.

Мы работаемъ уже въ теченіе 7 лѣтъ и поставляемъ наши машины даже казеннымъ учрежденіямъ, что служитъ достаточнымъ доказательствомъ нашей солидности.

Въ чемъ же заключается суть нашего предложенія? Только въ томъ, что мы даемъ Вамъ возможность посредствомъ нашей автоматической вязальной машины „Викторія“ изготовлять не только для себя, семейства и окружающихъ самыя разнообразныя трикотажныя издѣлія: чулки, носки, фуфайки, кофточки, шапочки, перчатки и т. д. и т. д., но и работать для оптовой продажи, что можетъ увеличить Вашъ доходъ или предоставить само по себѣ вѣрный источникъ регулярнаго дохода. Работа на ней необычайно проста, и какія-либо предварительныя знанія совершенно не нужны. Нашего учебника вполне достаточно, чтобы вполне ознакомиться съ нашей простѣйшей по конструкціи и идеальнѣйшей по работѣ машиной и усвоить манеру правильно и быстро работать; это тѣмъ легче, что она работаетъ автоматически и почти не подвержена поломкѣ. Работа ея значительно производительнѣе работы швейной машины, и при вращеніи колеса безъ особаго напряженія она успѣваетъ сдѣлать въ одну минуту больше 20000 петель. Изъ этого ясно, что какое-либо сравненіе съ обычной ручной работой прямо невозможно.

Мы не видимъ причинъ, почему бы и Вамъ не приобрести автоматической вязальной машины „Викторія“ и такимъ образомъ не установить новый источникъ дохода. Это тѣмъ болѣе удобно и доступно для всѣхъ, что мы, идя навстрѣчу желающимъ трудиться, изъявляемъ готовность и Вамъ продать нашу машину въ разсрочку, съ ежемѣсячными погашеніями согласно условіямъ, изложеннымъ въ проспектѣ и контрактѣ.

У Васъ можетъ быть машина, которая поможетъ Вамъ зарабатывать деньги и изготовлять домашнимъ путемъ цѣлый рядъ необходимыхъ для всей семьи предметовъ.

КРОМЪ ТОГО

Мы принимаемъ изготовленную на нашихъ машинахъ работу и оплачиваемъ ее хорошо. Мы гарантируемъ пріемъ Вашей работы и гарантируемъ немедленную за нее уплату. Гдѣ же и въ чемъ здѣсь рискъ? Вашъ заработокъ, его размѣры зависятъ только отъ Вашей работоспособности и энергіи. Для работы мы снабжаемъ Васъ пряжей по оптовымъ цѣнамъ.

Вамъ не придется ожидать заработанныхъ денегъ, такъ какъ всѣ расчеты производятся нами тотчасъ по полученіи товара и одновременно высылаются новый запасъ пряжи.

Въ томъ случаѣ, если Вамъ представляется возможность сбыть на мѣста сработанный Вами товаръ, по болѣе выгодной расцѣнкѣ, Вы имѣете полное право не доставлять намъ товаръ. Большинство нашихъ сотрудниковъ, уже чрезъ самый короткій промежутокъ времени, находятъ на мѣстѣ сбыта для своей работы, благодаря высокому качеству. Итакъ, имѣйте въ виду: мы обязываемся передъ Вами купить Вашъ товаръ, но Вы не обязаны его доставлять непременно намъ.

Вы легко можете представить сами, что такое собственное дѣло, путемъ постепеннаго приобрѣтенія нѣсколькихъ машинъ, можетъ быть расширено до весьма значительныхъ размѣровъ. Многіе изъ нашихъ сотрудниковъ, пользуясь для работы 2 — 10 машинами, получаютъ изъ этого предпріятія большіе доходы.

Лучшимъ доказательствомъ всего сказаннаго служатъ благодарственныя письма, получаемыя нами постоянно въ значительномъ количествѣ, и при первомъ требованіи мы можемъ выслать нѣкоторыя для ознакомленія для того, чтобы Вы видѣли сами, насколько удовлетворены наши сотрудники. Въ заключеніе не можемъ не указать, что эта работа одинаково можетъ быть выполняема какъ женщинами, такъ и мужчинами и подростками и пригодна для всѣхъ членовъ семьи, и что машина легко прикрѣпляется къ любому столу.

Мы изложили здѣсь все насколько это было возможно, теперь дѣло за Вами. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, не откладывая, требуйте подробности, прилагая для пересылки марку 7 коп.

Требуйте подробный проспектъ. Т-во вязальныхъ машинъ Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о, С.-Петербургъ, Невскій, 42. Отд. 23 в. 37271

ЧИРЬИ (ACNE) ЛИЦА. Причиной этого неприятнаго недуга, проявляющагося въ видѣ пуговчатыхъ уплотненій и красныхъ пятенъ на лицѣ, обыкновенно бываютъ желудочно-кишечныя расстройства. Страдающіе этой болѣзью должны тщательно соблюдать специальную діету, избѣгая раздражающей пищи, животныхъ жировъ и т. п. Для омыванія лица съ большой пользой можно употреблять *liquor GOWLANDI*, кромѣ того необходимо слѣдить за регулярной дѣятельностью желудка, и съ этой цѣлью употреблять аккуратно одну или двѣ пилюли *CASCARINE LE-PRINCE* во время ужина. 37206

Мыло „Конекъ“

изъ молока лилии
Бергмана и ко, Радебеуль

придаетъ румяный, юношески-свѣжій видъ, чистую, бѣлую, мягкую, какъ бархатъ, кожу и нѣжный, ослѣпительно прекрасный цвѣтъ. По 50 коп. за кусокъ можно получить вездѣ. Требуйте только красную упаковку. Главный складъ для Россійской Имперіи: Контора Химическихъ Препаратовъ, С.-Петербургъ, Малая Конюшенная, 10.

GILLETTE

(ЖИЛЛЕТЪ)

БРИТВЕННЫЙ АППАРАТЪ

съ СОГНУТЫМЪ лезвиемъ
НЕ НАДО ПРАВИТЬ И ТОЧИТЬ!

PURGEN

ИДЕАЛЬНОЕ СЛАБИТЕЛЬНОЕ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.

Никакая негодную поддѣлку и фальсификаты содержатъ всѣ тѣ коробки, которыя по эмблѣ синей баннеролы съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ по надписи фирма Dr. Bayer és Társa Budapest. Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.

ФОТО

графич. снимки французскихъ красавицъ. Интерес. каталоги высыл. въ закрыт. пакетѣ по получ. 5-ти 7-ми коп. марокъ. Коллекціи въ 5 р., 10 р. и 15 р. выс. по пол. стоимости. Адр.: М. ЛИПМАНОВИЧЪ, г. Лодзь, почт. ящ. 526.

ЗДОРОВОЕ ДИТЯ-СЧАСТЬЕ МАТЕРИ

ПИЩА „АЛЕНЪЗРИСЪ.“

Лабораторія Allen & Hanburys, Ltd., London.
 При искусственомъ вскармливаніи грудныхъ дѣтей ЕДИНСТВЕННАЯ, вполне замѣняющая материнское молоко СЪ ПЕРВАГО ДНЯ РОЖДЕНІЯ РЕБЕНКА.
 Брошюры высылаются бесплатно главн. представителемъ для Россіи М. М. Селитреннымъ, Москва, почт. ящ. 399. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ОСТЕРЕГ. ЗАРАЗЫ ДЕЗИФИЦ. ТЕЛЕФОНЫ

ТЕЛЕМИКРОБИНОМЪ

РЕКЛАМ. МНОГ. ТЕЛЕФ. СТАНЦ.
ЗАВ. ТВА „НАФТА“ С. ПБ.
 ТРЕБ. ВЪ АПТЕК. СКЛАД.
 ФЛ. 40 К ЗА ПЕРЕС. ПОЧТ. 1-6 ФЛ. 35 К

МОДЫ БЕЗПЛАТНО

ИЗЯЩНЫЯ ДАМЫ требуютъ выслать Вамъ нашъ новый сезон. богато иллюстрир. прейскурантъ который выйдетъ па днихъ изъ печати и будетъ немедленно разосланъ всѣмъ желающимъ **БЕЗПЛАТНО**. Высылаемый нами прейскурантъ служить какъ и **ЖУРНАЛЬ МОДЪ**, т. е. содержитъ въ себѣ громадн. выборъ дамскихъ нарядовъ роскоши. модели бѣлья, обуви, корсетовъ, чулокъ, хозяйств. вещи и массу прочихъ интерес. товаровъ и аксессуаровъ необход. настоящей книгой въ каждой семьѣ. Универсальный магазинъ **ПАВЕЛЪ ОБОИМОВЪ**. Москва, Тверская-Ямская, д. 36-42.

КУРСЫ И

1-го СЕНТЯБ

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ВИННОЙ МОНОПОЛІИ, ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ, ИСПРАВЛ. ПОЧЕРКА. Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человекъ, всего же за 25 лѣтъ—свыше 7,750 человекъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА И ОБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬСКИЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ.

БУЧЕНІЕ ГАЗЕТНОМУ И ЖУРНАЛЬНОМУ ТРУДУ

(статьи, корресп. и пр.) ЗАОЧНО, обезп. до в. газетъ, побочн. зараб. всякому. Адресъ: Редакція журн. „СОТРУДНИКЪ“ ПЕЧАТН., С.-Петербургъ, Коломенская, 27—5.

АКАДЕМІЯ ЗАОЧНО ИНОСТР. ЯЗЫКОВЪ

Новая оригинальная система, дающая возможность каждому легко и основательно изучить безъ помощи учителя въ совершенствѣ ФРАНЦУЗСКІЙ, НѢМЕЦКІЙ и АНГЛІЙСКІЙ яз.

Лекціи составлены преподават. Иностр. языковъ СПБ. Высш. Учебн. зав. Курсъ каждого языка состоитъ изъ 10 книгъ и составляетъ не менѣе 1000 стр. большого формата. Каждый мѣсяцъ выходитъ по одной книгѣ каждого яз. Курсъ франц. языка выходитъ подъ редакціей препод. иностран. яз. СПБ. Политехнич. Института ПЕРНЭ. Курсъ нѣм. яз. выходитъ подъ редакц. прив.-доцента СПБ. универс. и пр. Педаг. Академіи Л. Е. ГАБРИЛОВИЧА. Для подробн. ознакомл. съ издан. выпуска „Ак. Ин. Яз.“ выс. налож. плат. по 1 р. 20 к. за каждый. Прѣ редакціи учреждено постоянное бюро, которое руководитъ занятіями и проводитъ присылаемыя учениками работы бесплатно. Проспекты высылаются безъ платно. Издат. Т-во „Благо“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 88—24.

Нужны дѣятельные агенты-сотрудники.

ИЗБАВИТЬСЯ ОТЪ КРЫСЪ И МЫШЕЙ

можно только бактериальной зарозой химико-бактериологической лабораторіи Г. ГУРЕВИЧА. КІЕВЪ, Б. Васильковская, 10. ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ и БЫСТРОЕ ассовое пестрѣб., безвредн. для людей и домашн. живот. Пер. въ 2 р. 5 к., 5 р. 20 к. (съ перес.).

ВЕРХНЯЯ ЮБКА ЗА 1 р. 80 к.

Готов. дамск. верхн. осен. или зимн. юбка изъ красив., прочн. трико, шит. по послѣдн. модѣ, отдѣлка пугов. и шелков. шнурк., во всѣхъ цвѣт., высыл. почтой налож. платеж. безъ задатка, присыл. за перес. 55 к., а въ Сибирь 65 к. Лучш. сорта 2 р. 25 к. Указать длину и объемъ пояса сантимет. При треб. 3-хъ юбокъ перес. за счетъ фирмы. Не погр. возвр. деньги. Адр.: Лодзинская шерстяная мануфактура, Лодзь № 30—А.

КНИГА ЧУДЕСЪ И ТАЙНЪ.

Желаете ли вы обладать сверхъестественной силой? Знать удивительныя волшебныя свойства нѣкоторыхъ травъ и камней? Обладать талисманомъ любви? Знать магическіе секреты любви? Узнать свою судьбу? Умѣть разгадывать сны? По линиямъ рукъ читать судьбу и вообще обладать великими тайнами астрологіи, оккультизма, хиромантіи и черной и бѣлой магіи. Не смѣшив. съ обыкновен. книжк. фокусовъ, предлагаем. подъ такимъ же назван. Цѣна съ перес. и налож. плат. только 1 р. 75 к. Съ заказ. обращат. СПБургъ, 8-4 РОДЖЕРСЪ, Невскій, 60—3.

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Кіевъ, ред. газ. „Народная Кофѣя“, отд. 3.

ЗИМНЯЯ БРЮКИ-РЕЙТУЗ

за 2 р. 25 к. изъ прочной зимн. ткани, хорошо шит., цвѣта: черн. т. и сѣ.-син. и зеленый. Указ. длину брюкъ, шага и объемъ пояса. Высыл. почтой налож. плат. 60 коп. За перес. 55 к., въ Сибирь—75 коп. при высылкѣ 3 брюкъ перес. на нашъ счетъ. Не погр. возвр. деньги. Адр. А. КИВМАИ, Лодзь № 30—А.

ПОДГОТОВКА КЪ НѢМЕЦКИМЪ ЭКЗАМЕНАМЪ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ. Начальникъ и высш. курсъ, МАРІЯ ЗАМУЛОНЪ. Берлинъ W. Schöneberger Ufer, 36-A I. pl. Пріемн. час.: вторникъ, среда, четвергъ. 4-9 пятница отъ 12—1 ч. днп. 37191

КРУПНѢЙШЕЕ

въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличен. портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ. Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполн. ный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; а рельею 10×12 вер.—4 р., 12×15 вер.—8 р. при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карт. портретъ на эмали брошь или булавку для галстука. Заказы съ оригиналами выполняются черезъ 15 дней налож. платежомъ. Адресовать только въ Главную контору художественнаго ателье А. М. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 67 С.-Петербургъ. Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г.

Подробный прейсъ-куррантъ высылается бесплатно.

ПРОТИВЪ ОЖИРѢНІЯ

МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ ПРИ ПОКУПКѢ ПРОСЯТЪ ОБРАЩАТЬ ОСОБОЕ ВНИМАНІЕ НА ИМЯ БАША

МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ ПРЕВОСХОДЯТЪ ЦѢЛЕСОБРАЗНОЮ ДОЗИРОВКОЮ ВСѢ РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ДЛЯ ПОДОБНЫХЪ ЦѢЛЕЙ ПРЕПАРАТЫ.

Гигіена зубовъ. Проф. Др. Милеръ, опираясь на этиологію зубной нили, рекомендуетъ слѣдующія четыре предохранительныя средства: 1) Необходимо примѣнять всѣ гигиеническія средства, способствующія хорошему развитію зубовъ. 2) Необходимо заботиться о основательной и систематической чисткѣ полости рта и жевательнаго аппарата съ цѣлью уменьшить количество матеріаловъ броженія, а бѣмъ самымъ и образованія кислотъ, бѣмъ мы лишаемъ бактеріи полости рта необходимой для ихъ развитія пищи. 3) Необходимо примѣнять всѣ антисептическія средства для уничтоженія бактерій или по крайней мѣрѣ для помѣшанія ихъ росту и размноженію. 4) Необходимо избѣгать или по возможности ограничить употребленіе пищи, которой остатки производятъ кислое броженіе, столь вредное для зубовъ. Среди всѣхъ существующихъ средствъ, употребляемыхъ для чистки зубовъ и полосканія рта, рекомендуется въ первомъ ряду, уже 5 лѣтъ пользующіея всеобщей извѣстностью и признанныя лѣкарями и зубными врачами безспорно наилучшими, Зарга „Kardodont“ зубной кремъ и эликсиръ для полосканія. Получить можно во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

САНАТОГЕНЪ БАУЭРА

лучшее

ПИТАТЕЛЬНОЕ И УКРѢПЛЯЮЩЕЕ СРЕДСТВО

для расшатанныхъ нервовъ и истощеннаго организма.

Благотворное его дѣйствіе подтвердили письменно свыше 15.000 врачей

Препаратъ этотъ находится въ продажѣ въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ коробкахъ по 50, 100 и 250 гр. Настояшій только въ коробкахъ съ красной бандеролью.

Подробныя свѣдѣнія высылаютъ бесплатно

Генеральное Представительство Санатогена Бауэра
Варшава, Маршалковская 129.